

ВЕСЬ ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

РАЗБОЙНИКИ ДРАМА В ПЯТИ АКТАХ

*Quae medicamenta non sanant,
ferrum sanat; quae ferrum
non sanat, ignis sanat.*

Ниппократес¹²

In tyrannos!³

¹ Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь. Гиппократ (лат.).

² *Гиппократ* (IV–III вв. до н. э.) — знаменитый врач в Древней Греции, прозванный «отцом медицины». Под именем «гиппократических» до нас дошло от античных времен много медицинских сочинений различных авторов. Эпиграф к «Разбойникам» взят из так называемых «Афоризмов» Гиппократа. Шиллер (напомним — врач) опускает конец этого изречения: «...а то, чего не излечивает огонь, следует считать неизлечимым».

³ На тиранов! (лат.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максимилиан, владетельный граф фон Моор.

Карл, Франц — его сыновья.

Амалия фон Эдельрейх.

Шпигельберг, Швейцер, Гримм, Рацман, Шуфтерле, Роллер, Косинский, Шварц — беспутные молодые люди, потом разбойники.

Герман, побочный сын дворянина.

Даниэль, слуга графа фон Моора.

Пастор Мозер.

Патер.

Шайка разбойников.

Второстепенные действующие лица.

Место действия — Германия; время — около двух лет.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Франкония⁴. Зал в замке Мооров.

⁴ *Франкония* — одна из областей Германской империи, распадавшаяся в конце XVIII века на шестьдесят девять отдельных государств, в том числе двадцать пять графств.

Франц, старик Моор.

Франц . Здоровы ли вы, отец? Вы так бледны.

Старик Моор . Здоров, мой сын. Ты что-то хотел мне сказать?

Франц . Почта пришла... Письмо из Лейпцига от нашего стряпчего...

Старик Моор (*взволнованно*). Вести о моем сыне Карле?

Франц . Гм, гм! Вы угадали! Но я опасаясь... Право, не знаю... Ведь ваше здоровье... Точно ли вы себя хорошо чувствуете, отец?

Старик Моор . Как рыба в воде! Он пишет о моем сыне? Но что ты так забеспокоился обо мне? Второй раз спрашиваешь меня о здоровье.

Франц . Если вы больны, если чувствуете хоть легкое недомогание, увольте... Я дождусь более подходящей минуты. (*Вполголоса.*) Эта весть не для хилого старца.

Старик Моор . Боже! Боже! Что я услышу?

Франц . Дозвольте мне сперва отойти в сторонку и пролить слезу сострадания о моем заблудшем брате. Я бы должен был вечно молчать о нем — ведь он ваш сын; должен был бы навеки

(Один этот пример показывает степень раздробленности тогдашней Германии.)

скрыть его позор — ведь он мой брат, Но повиноваться вам — мой первый, печальный долг, А потому не взыщите...

Старик Моор . О Карл, Карл! Если бы ты знал, как своим поведением ты терзаешь отцовское сердце! Одна-единственная добрая весть о тебе прибавила бы мне десять лет жизни, превратила бы меня в юношу... Но — ах! — каждая новая весть еще на шаг приближает меня к могиле!

Франц . О, коли так, несчастный старик, прощайте! Не то мы еще сегодня будем рвать волосы над вашим гробом.

Старик Моор (*опускаясь в кресло*). Не уходи! Мне осталось сделать лишь один шаг... А Карл... Вольному воля! Грехи отцов взыскуются в третьем и четвертом колене... Пусть добивает!

Франц (*вынимает письмо из кармана*). Вы знаете нашего стряпчего? О, я бы дал отсечь себе руку за право сказать: он лжец, низкий, черный лжец! Соберитесь же с силами! Простите, что я не даю вам самому прочесть письмо. Всего знать вы еще не должны.

Старик Моор . Всё, всё! Сын, ты избавишь меня от немощной старости.

Франц (*читает*). «Лейпциг, первого мая. Не будь я связан нерушимым словом сообщать тебе, любезный друг, все, что узнаю о похождениях твоего брата, мое скромное перо не стало бы так

терзать тебя. Мне известно по множеству твоих писем, что подобные вести пронзают твое братское сердце. Я уже вижу, как ты льешь горячие слезы из-за этого гнусного, беспутного...»

Старик Моор закрывает лицо руками.

Видите, батюшка, а ведь я читаю еще самое невинное... «...льешь горячие слезы...» Ах, они текли, они лились солеными ручьями по моим щекам! «Я уже вижу, как твой старый, почтенный отец, смертельно бледный...» Боже! Вы и впрямь побледнели, хотя не знаете еще и малой доли!..

Старик Моор . Дальше! Дальше!

Франц . «...смертельно бледный, падает в кресло, кляня день, когда он впервые услышал лепет: «Отец». Всего разузнать мне не удалось, а потому сообщаю лишь то немногое, что мне стало известно. Твой брат, как видно, дошел до предела в своих бесчинствах; мне, во всяком случае, не придумать ничего, что уже не было бы совершено им, но, быть может, его ум окажется изобретательнее моего. Вчера ночью, сделав долгу на сорок тысяч дукатов...» Недурные карманные денежки, отец! «...а до того обесчестив дочь богатого банкира и смертельно ранив на дуэли ее вздыхателя, достойного молодого дворянина, Карл с семью другими товарищами, которых он вовлек в

распутную жизнь, принял знаменательное решение — бежать от рук правосудия». Отец! Ради бога, отец! Что с вами?

Старик Моор . Довольно, перестань, сын мой!

Франц . Я пощажу вас. «Ему вдогонку послана беглая грамота... Оскорбленные вопиют об отомщении. Его голова оценена... Имя Мооров...» Нет! Мой злосчастный язык не станет отцеубийцей. *(Разрывает письмо.)* Не верьте письму, отец! Не верьте ни единому слову!

Старик Моор *(горько плачет)*. Мое имя! Мое честное имя!

Франц *(падает ему на грудь)*. Презренный, трижды презренный Карл! Разве я не предчувствовал этого еще в детстве, когда мы услаждали душу молитвами, а он, как преступник от темницы, отворачивал свой взор от божьего храма, таскался за девками, гонял по лугам и горам с уличными мальчишками и всяким сбродом, выклянчивал у вас монеты и бросал их в шапку первого встречного нищего? Разве я не предчувствовал этого, видя, что он охотнее читает жизнеописание Юлия Цезаря ⁵ , Александра

⁵ *Юлий Цезарь* (I в. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, ставший в последние годы своей жизни почти неограниченным диктатором Рима. Был убит

Великого ⁶ и прочих столь же нечестивых язычников, чем житие кающегося Товия⁷? Сотни раз я предсказывал вам, — ибо любовь к брату всегда уживалась во мне с сыновним долгом, — что этот мальчик ввергнет нас в позор и гибель. О, если бы он не носил имени Мооров! Если б в моем сердце было меньше любви к нему! Безбожная любовь, которую я не в силах вырвать из своего сердца! Она еще будет свидетельствовать против меня перед престолом всевышнего.

Старик Моор . О, мои надежды! Мои золотые грезы!..

Франц . Вот именно. Про что же я вам и толкую. Этот пылкий дух, что бродит в мальчике, говаривали вы тогда, делающий его столь чутким ко всему великому и прекрасному, эта искренность,

заговорщиками-республиканцами, с Брутом и Кассием во главе, желавшими предупредить монархический переворот в тогда еще республиканском Риме. Дело республики было проиграно после поражения Брута и Кассия при Филиппах (в Македонии) в 42 году до н. э.

⁶ *Александр Великий* (IV в. до н. э.) — сын македонского царя Филиппа, один из величайших полководцев древних времен.

⁷ *Товия* — имя героя библейской Книги Товита.

благодаря которой его душа, как в зеркале, отражается в его глазах, эта чувствительность, заставляющая его проливать горячие слезы при виде любого страдания, эта мужественная отвага, подстрекающая его залезать на вершины столетних дубов и вихрем переноситься через рвы, изгороди и стремительные потоки, это детское честолюбие, это непреклонное упорство и прочие блистательные добродетели, расцветающие в сердце вашего любимца, — о, со временем они сделают из него верного друга, примерного гражданина, героя, большого, великого человека! Вот и полюбуйтесь теперь, отец! Пылкий дух развился, окреп — и что за прекрасные плоды принес он! Полюбуйтесь-ка на эту искренность — как она быстро обернулась наглостью, а чувствительность — как она пригодилась для воркования с кокетками, как живо отзывается она на прелести какой-нибудь Фрины⁸. Полюбуйтесь на этот пламенный дух: за каких-нибудь шесть годков он начисто выжег в нем все масло жизни, и Карл, еще не расставшись с плотью, призраком бродит по земле, а бесстыдники, глаза на него, приговаривают: «C'est l'amour qui a

⁸ *Фрина* — древнегреческая танцовщица. Скульптор Пракситель (IV в. до н. э.) взял Фрину образцом для статуи богини красоты Афродиты (у римлян — Венеры).

fait sa!»⁹ Да, полюбуйте́сь на этот смелый, предприимчивый ум, как он замышляет и осуществляет планы, перед которыми тускнеют геройские подвиги всех Картушей и Говардов¹⁰. А то ли еще будет, когда великолепные ростки достигнут полной зрелости! Да и можно ли ждать совершенства в столь нежном возрасте? И, быть может, отец, вы еще доживете до радости видеть его во главе войска, что квартирует в священной тиши дремучих лесов и наполовину облегчает усталому путнику тяжесть его ноши! Может быть, вам еще доведется, прежде чем сойти в могилу, совершить паломничество к памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей!¹¹ Может быть... О отец, отец, отец! Ищите себе другое имя, или все мальчишки и торговцы, видевшие на лейпцигском рынке портрет вашего сына¹²,

⁹ Это любовь его доконала! (*франц.*)

¹⁰ *Картуш* — французский вор, бывший своего рода знаменитостью в начале XVIII века. О *Говарде* (судя по фамилии, англичанине) ничего не известно.

¹¹ ...памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей! — Речь идет о виселице.

¹² ...видевшие на лейпцигском рынке портрет вашего

станут указывать на вас пальцами.

Старик Моор . И ты тоже, мой Франц? Ты тоже? О, мои дети! Они разят меня прямо в сердце!

Франц . Видите, и я могу быть остроумным. Но мой юмор — жало скорпиона... И вот этот «сухой, заурядный человек», этот «холодный, деревянный Франц» или — не знаю, на какие там еще милые прозвища вдохновляло вас различие между мною и братом, когда он, сидя на отцовских коленях, тербил вас за щеки, — этот Франц умрет в родном углу, истлеет и будет позабыт, в то время как слава того всемирного гения пронесется от полюса к полюсу! О создатель! (*Молитвенно воздевая руки.*) Холодный, сухой, деревянный Франц благодарит тебя за то, что он не таков, как тот!

Старик Моор . Прости меня, сын мой! Не гневайся на отца, обманутого в своих надеждах! Господь, что заставил меня лить слезы из-за Карла, осушит их твоей рукой, мой милый Франц!

Франц . Да, отец, я осушу их. Франц готов пожертвовать своей жизнью, чтобы продлить вашу. Ваша жизнь — для меня оракул, которого я вопрошаю перед любым начинанием; зеркало, в

сынка... — Портреты преступников, которых не могли поймать, выставлялись на рыночной площади, у позорного столба.

котором я все созерцаю. Для меня нет долга, даже самого священного, которого бы я не нарушил, когда дело идет о вашей бесценной жизни. Верите ли вы мне?

Старик Моор . На тебя лягут еще и другие обязанности, сын мой. Господь да благословит тебя за то, чем ты был для меня и чем будешь.

Франц . Скажите, если бы вы того сына не должны были называть сыном, почли бы вы себя счастливым?

Старик Моор . Молчи! О, молчи! Когда повивальная бабка впервые подала мне его, я высоко его поднял и воскликнул: «Разве я не счастливый человек!»

Франц . Так вы сказали, да не так оно вышло. Теперь вы завидуете последнему из ваших крестьян, что он не отец такого сына. Нет, вам не избыть горя, покуда у вас есть этот сын. Оно станет зреть вместе с Карлом. Оно подточит вашу жизнь.

Старик Моор . О, оно уже сделало меня восьмидесятилетним старцем!

Франц . Итак... А что, если вы отречетесь от этого сына?

Старик Моор (*вздрагивая*). Франц! Франц! Что ты говоришь?

Франц . Но разве не любовь к нему заставляет вас так страдать? Без этой любви он для вас не существует. Без этой преступной, проклятой любви

он мертв для вас, никогда не рождался. Не плоть и кровь — сердце делает нас отцами и детьми. Если вы его не любите, этот выродок уже не сын вам, хоть бы он и был плотью от плоти вашей. Доныне он был для вас зеницею ока, но «аще соблазняет тебя око, — гласит Писание, — вырви его вон». Лучше с одним глазом в раю, нежели с двумя в геенне огненной. Лучше бездетным предстать господа, нежели обоим, отцу и сыну, низринуться в ад. Так глаголет бог!

Старик Моор . Ты хочешь, чтобы я проклял моего сына?

Франц . Нет, нет! Вам незачем проклинать сына! Кого вы зовете своим сыном? Того, кому вы дали жизнь и кто делает все, чтобы сократить вашу?

Старик Моор . О, ты прав, ты прав! Это суд божий надо мною! Господь избрал его своим орудием.

Франц . Полюбуйтесь же на сыновние чувства вашего любимца! Он душит вас вашим же отеческим снисхождением, убивает вас вашей же любовью. Он подкупил ваше отчее сердце, чтобы оно отказалось служить вам. Не станет вас — и он хозяин ваших земель, властелин своих страстей! Плотина рухнула, и поток его вожделений мчится, не встречая препон. Поставьте себя на его место! Как часто должен он призывать смерть на своего отца, на своего брата, безжалостно преграждающих

дорогу его распутству. И это — любовь за любовь? И это — сыновняя благодарность за отцовскую кротость, когда мгновенному приливу похоти он жертвует десятью годами вашей жизни, когда, обуреваемый сладострастием, он ставит на карту славу своих предков, не запятнанную на протяжении семи столетий? И его вы называете сыном? Отвечайте! Его — своим сыном?

Старик Моор . Безжалостное дитя! Ах, но все же мое дитя!

Франц . Мое дитя! Милое, прелестное дитя, которое только о том и думает, как бы поскорее осиротеть. О, когда же вы это поймете! Когда спадет пелена с ваших глаз! Ведь ваша снисходительность позволит ему закоренеть в разврате, ваше потворство послужит ему оправданием. Правда, так вы отведете проклятие, тяготеющее над его головой, но на вас, на вас, отец, падет оно тогда.

Старик Моор . Да, ты прав! Мой грех, мой грех!

Франц . Сколько тысяч людей, жадно пивших из чаши наслаждений, искупили свои грехи страданием! И разве телесный недуг, спутник всяких излишеств, — не есть перст божий? Вправе ли человек своей жестокой мягкостью отворачивать этот перст? Вправе ли отец навеки погубить залог, врученный ему небом? Подумайте, отец: если вы

хоть на время отступитесь от Карла, не будет ли он вынужден исправиться и обратиться на путь истины? Если же он и в великой школе несчастья останется негодяем, тогда горе отцу, потворством и мягкосердечием разрушившему предначертания высшей мудрости! Ну как, отец?

Старик Моор . Я напишу, что лишаю его отцовской поддержки.

Франц . Вы поступите правильно и разумно!

Старик Моор . И чтобы он мне и на глаза не показывался.

Франц . Это окажет спасительное действие.

Старик Моор (*нежно*). Покуда не исправится.

Франц . Хорошо, очень хорошо! А ну как он вернется, прикрывшись личиной добродетели, выплечет у вас сострадание, выклянчит прощение, а назавтра уйдет и в объятиях распутниц; станет насмеяться над вашей слабостью?.. Но нет, нет, отец! Он вернется по доброй воле, лишь когда совесть перестанет упрекать его.

Старик Моор . Так я ему и напишу.

Франц . Погодите! Еще одно, отец! Я боюсь, как бы в гневе у вас не сорвалось с пера слишком жестокое слово; оно смертельно ранит его сердце. И вдобавок не сочтет ли он прощением уже то, что вы удостоили его собственноручного письма? А потому не лучше ли вам поручить это мне?

Старик Моор . Хорошо, сын мой! Ах! Это и вправду разбило бы мое сердце. Напиши ему.

Франц (*быстро*). Значит, так тому и быть?

Старик Моор . Напиши ему, что ручьи кровавых слез, что тысячи бессонных ночей... Но не доводи моего сына до отчаяния!

Франц . Не хотите ли прилечь, отец? Все это так потрясло вас.

Старик Моор . Напиши ему, что отцовское сердце... Но повторяю тебе: не доводи моего сына до отчаяния! (*Уходит опечаленный.*)

Франц (*со смехом глядя ему вслед*). Утешься, старик! Ты никогда уж не прижмешь его к своей груди! Путь туда ему прегражден, как аду путь к небесам. Он был вырван из твоих объятий, прежде чем ты успел подумать, что сам того пожелаешь. Жалким был бы я игроком, если б мне не удалось отторгнуть сына от отцовского сердца, будь он прикован к нему даже железными цепями. Я очертил тебя магическим кругом проклятий, которого ему не переступить! В добрый час, Франц! Нет больше любимого сынка — поле чисто! Надо, однако, подобрать эти клочки, а то кто-нибудь еще узнает мою руку. (*Собирает клочки разорванного письма.*) Теперь горе живо приберет старика. Да и у нее из сердца я вырву этого Карла, хотя бы вместе с ним пришлось вырвать половину ее жизни. У меня все права быть недовольным природой — и,

клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева?¹³ Зачем не единственный? Зачем природа взвалила на меня это бремя уродства? Именно на меня? Словно она обанкротилась перед моим рождением. Почему именно мне достался этот лапландский нос? Этот рот, как у негра? Эти готтентотские глаза? В самом деле, мне кажется, что она у всех людских пород взяла самое мерзкое, смешала в кучу и испекла меня из такого теста. Ад и смерть! Кто дал ей право одарить его всем, все отняв у меня? Разве может кто-нибудь задобрить ее, еще не родившись, или разобидеть, еще не увидев света? Почему она так предвзято взялась за дело? Нет, нет! Я несправедлив к ней. Высадив нас, нагих и жалких, на берегу этого безграничного океана — жизни, она дала нам изобретательный ум. Плыви, кто может плыть, а неловкий — тони! Меня она ничем не снабдила в дорогу. Все, чем бы я ни стал, будет делом моих рук. У всех одинаковые права на большое и малое. Притязание разбивается о

¹³ *Зачем не я первый вышел из материнского чрева?* — Франц — младший сын графа Моора, а, по феодальной системе наследования по старшинству («майорат»), недвижимое имущество, главным образом поместья, переходило безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде вместе с титулом, если владение давало на него право.

притязание, стремление о стремление, мощь о мощь. Право на стороне победителя, а закон для нас — лишь пределы наших сил.

Существуют, конечно, некие общепринятые понятия, придуманные людьми, чтобы поддерживать пульс миропорядка. Честное имя — право же, ценная монета: можно неплохо поживиться, умело пуская ее в оборот. Совесть — о, это отличное пугало, чтобы отгонять воробьев от вишневых деревьев, или, вернее, ловко составленный вексель, который выпутает из беды и банкрота.

Что говорить, весьма похвальные понятия! Дураков они держат в решпекте, чернь под каблуком, а умникам развязывают руки. Шутки в сторону, — забавные понятия! Напоминают мне плетни, которыми наши крестьяне так хитро обносят свои поля, чтобы, сохрани боже, по ним не пробежал какой-нибудь заяц. Заяц — вот именно! Но барин пришпоривает коня и мягко скачет по блаженной памяти жатве. Бедный заяц! Жалкий удел быть зайцем на этом свете! Но зайцы-то и нужны господину.

Итак, скачи смелей! Кто ничего не боится — не менее силен, чем тот, кого боятся все. Нынче в моде пряжки на панталонах, позволяющие, по желанию, то стягивать, то распускать их. Мы велим сшить себе и совесть по новому фасону, — чтобы

пошире растянуть ее, когда раздобреем! Наше дело сторона! Обратитесь к портному! Мне столько ввали про так называемую кровную любовь, что у иного честного дурака голова пошла бы кругом. «Это брат твой!» Переведем на язык рассудка: он вынут из той же печи, откуда вынули и тебя, а посему он для тебя... священен. Вдумайтесь в этот мудренейший силлогизм, в этот смехотворный вывод: от соседства тел к гармонии душ, от общего места рождения к общности чувств, от одинаковой пищи к одинаковым склонностям. И дальше: «Это твой отец! Он дал тебе жизнь, ты его плоть и кровь, а посему он для тебя... священен». Опять хитрейший силлогизм! Но спрашивается, почему он произвел меня на свет? Ведь не из любви же ко мне, когда я еще только должен был стать собою. Да разве он меня знал до того, как меня смастерил? Или он хотел сделать меня таким, каким я стал? Или, желая сотворить именно меня, знал, что из меня получится? Надеюсь — нет: иначе мне пришлось бы наказать его за то, что он все-таки произвел меня на свет. Уж не возблагодарить ли мне его за то, что я родился мужчиной? Так же бессмысленно, как жаловаться, если бы я оказался женщиной! Могу ли я признавать любовь, которая не основана на уважении к моему «я»? А какое могло здесь быть уважение к моему «я», когда это «я» само возникло из того, чему бы должно было

служить предпосылкой? Где же тут священное? Уж не в самом ли акте, благодаря которому я возник? Но он был не более как скотским удовлетворением скотских инстинктов. Или, быть может, священен результат этого акта? Но от него бы мы охотно избавились, не грози это опасностью нашей плоти и крови. Или я должен прославлять отца за то, что он меня любит? Но ведь это — только тщеславие, первородный грех всех художников, кичащихся своим произведением, даже если оно безобразно. Вот вам и все колдовство, которое вы так прочно окутали священным туманом, чтобы во зло употребить нашу трусость. Неужто же и мне, как ребенку, ходить на этих помочах?

Итак, живо! Смелее за дело! Я выкорчую все, что преграждает мне дорогу к власти. Я буду властелином и силой добьюсь того, чего мне не добиться располагающей внешностью. (*Уходит.*)

Сцена вторая

*Корчма на границе Саксонии*¹⁴.

¹⁴ *Саксония* — одно из крупнейших немецких княжеств (так называемое курфюршество) того времени с главными городами Лейпцигом и Дрезденом, столицей Саксонии. Позднее — королевство.

Карл Моор, углубленный в чтение.
Шпигельберг пьет за столом.

Карл Моор (закрывает книгу). О, как мне гадок становится этот век бездарных борзописцев, когда я читаю в моем милом Плутархе¹⁵ о великих мужах древности.

Шпигельберг (продолжая пить, ставит перед ним стакан). Почитай-ка лучше Иосифа Флавия!¹⁶

Карл Моор. Сверкающая искра Прометея¹⁷ погасла. Ее заменил плаунный порошок —

¹⁵ *Плутарх* (I–II вв. н. э.) — греческий историк и философ-моралист; автор сравнительных жизнеописаний греческих и римских полководцев и государственных деятелей. Эти жизнеописания с ярким изображением античных гражданских доблестей были любимейшим чтением юного Шиллера.

¹⁶ *Почитай-ка лучше Иосифа Флавия!* — Иосиф Флавий (I в. н. э.) — римский историк Иудеи.

¹⁷ *Прометей* — в древнегреческих мифах титан, защищавший человеческий род от недоброжелательства богов и от верховного божества греков Зевса (по римской мифологии — Юпитера); он был олицетворением человеческой мысли, ее неукротимой, героической силы.

театральный огонь, от которого не раскуришь и трубки. Вот они бегают теперь, как крысы по палице Геркулеса, и ломают себе головы над загадкой: что за сок за такой содержался в семеннике этого богатыря? Французский аббат утверждает, что Александр был жалким трусом; чахоточный профессор, при каждом слове подносящий к носу флакончик с нашатырем, читает лекции о силе; молодчики, которые, единожды сплутовав, готовы тут же упасть в обморок от страха, критикуют тактику Ганнибала; желторотые мальчишки выуживают фразы о битве при Каннах и хнычут, переводя тексты, повествующие о победах Сципиона.¹⁸

Шпигельберг . Это называется скульпить по-александрійски.

¹⁸ *Ганнибал. Битва при Каннах. Победы Сципиона.* — Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) и его отец Гамилькар Барка были величайшими полководцами Карфагена, торгового города-государства в Северной Африке, владевшего многочисленными колониями. Ганнибал одержал ряд побед над римлянами. Самой блестящей из них была победа при Каннах (216 г. до н. э.), в которой он уничтожил римское войско, состоявшее из восьмидесяти тысяч человек. В 202 году до н. э. Ганнибал был разбит римским полководцем Сципионом Старшим. В 146 году до н. э. Сципион Младший овладел Карфагеном и стер его с лица земли.

Карл Моор. Недурная награда за пот, лившийся с вас в битвах: вы живете теперь в гимназиях, и школьники нехотя таскают в ранцах ваше бессмертие! Недурное вознаграждение за щедро пролитою кровь — пойти на обертку грошовых пряников в лавке нюрнбергского торговца или, в случае особой удачи, попасть в руки французскому драматургу, который поставит вас на ходули и начнет дергать за веревочки! Ха-ха-ха!

Шпигельберг (*пьет*). Почитай-ка Иосифа, прошу тебя.

Карл Моор. Пропади он пропадом, этот хилый век кастратов, способный только пережевывать подвиги былых времен, поносить в комментариях героев древности или корезить их в трагедиях. В его чреслах иссякла сила, и людей плодят теперь с помощью пивных дрожжей!

Шпигельберг . Нет! Чая, братец, чая!

Карл Моор. Они калечат свою здоровую природу пошлыми условностями, боятся осушить стакан вина: а вдруг не за того выпьешь, подхалимничают перед последним лакеем, чтобы тот замолвил за них словечко его светлости, и травят бедняка, потому что он им не страшен; они до небес превозносят друг друга за удачный обед и готовы друг друга отравить из-за подстилки, которую у них перехватили на аукционе. Они

проклинают саддукея ¹⁹ за то, что неусердно посещает храм, а сами подсчитывают у алтаря свои ростовщические проценты; они преклоняют колена, чтобы попышнее распустить свой плащ, и не сводят глаз с проповедника, высматривая, как завит у него парик; они падают в обморок, увидев, как режут гуся, и рукоплещут, когда их конкурент обанкротится на бирже. Как горячо жал я им руку: «Один только день!» Тщетно: «В тюрьму, собаку!» Мольбы, клятвы, слезы!.. (*Топая ногой.*) О, силы ада!

Шпигельберг . И все из-за каких-то паршивых двух тысяч дукатов.

Карл Моор . Нет! Я не хочу больше об этом думать! Это мне-то сдавить свое тело шнуровкой, а волю зашнуровать законами? Закон заставляет ползти улиткой и того, кто мог бы взлететь орлом! Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода порождает гигантов и высокие порывы. Проникши в брюхо тирана, они потворствуют капризам его желудка и задыхаются от его ветров!

19 ... *проклинают саддукея...* — Саддукеи — религиозно-политическая секта в древней Иудее, отрицавшая все религиозные обряды, кроме закона Моисея, и веру в загробное воздаяние.

О, если бы дух Германа восстал из пепла! ²⁰ Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, пред которой и Рим и Спарта покажутся женскими монастырями. (*Бросает шпагу на стол и встает.*)

Шпигельберг (*вскакивая*). Браво, брависсимо! Вот ты и дошел до моей мысли! Я сейчас шепну тебе на ухо, Моор, то, что уже давно засело мне в голову. Ты для такого дела самый подходящий человек! Пей, братец, пей! Что, если нам объявить себя иудеями и восстановить Иудейское царство?

Карл Моор (*хохочет во все горло*). А! Я вижу, ты собрался вывести из моды крайнюю плоть, потому что твоя уже сделалась добычей цирюльника?

Шпигельберг. Чтоб тебя, окаянный! Со мной и вправду случилась такая оказия. Но признайся, что это хитрый и отважный план. Мы издадим манифест, разошлем его на все четыре стороны света и призовем в Палестину всех, кто не жрет свиного мяса. Там я документально доказываю, что

²⁰ ...О, если бы дух Германа восстал из пепла! — Герман — вождь германского племени херусков Арминий, разбивший римские легионы Вара в 9 году н. э.

Ирод-тетрарх²¹ — мой предок, и так далее и так далее. То-то начнется ликование, братец, когда они опять почувствуют почву под ногами и примутся за отстройку Иерусалима. И тут, пока железо горячо, гони турок из Азии, руби ливанские кедры,²² строй корабли, сбывай кому попало старье и обноски! Тем временем...

Карл Моор (*улыбаясь, берет его за руку*).
Полно, друг, пора бросить дурачества.

Шпигельберг (*озадаченно*). Тьфу, пропасть! Уж не хочешь ли ты разыграть из себя блудного сына? Ты, удалец, написавший шпагой на физиономиях больше, чем три писца в високосный год успеют написать в приказной книге?.. Уж не напомнить ли тебе о пышном собачьем погребении? Ладно же! Я воскрешу в твоей памяти твой собственный образ. Быть может, это вошьет огонь в твои жилы, раз уж ничто другое тебя не

²¹ *Ирод-тетрарх* — или Ирод Антипа, или Антипатр, сын Ирода Великого, получивший от отца, по завещанию, четвертую часть его владений (отсюда и прозвище «тетрарх» — «четвертовластец»), правитель Галилеи и Перее, находившихся под римским владычеством.

²² ...*руби ливанские кедры*... — Ливан — горный хребет в Сирии и в Ливане протяженностью около 450 километров, некогда знаменитый великолепием кедровых лесов.

вдохновляет. Помнишь еще, как господа из магистрата приказали отстрелить лапу твоей меделянской суке, а ты в отместку предписал пост всему городу? Все гоготали над твоим рескриптом; но ты, не будь дурак, велишь скупить все мясо в городе, так что через восемь часов во всей округе не сыскать даже обглоданной кости и рыба начинает подниматься в цене. Магистрат, бюргеры алчут мести! Тысяча семьсот наших ребят выстроились мигом, ты во главе, а позади мясники, разносчики, трактирщики, цирюльники и портные — словом, все цеха, готовые в щепы разнести город, если кого-нибудь из наших хоть пальцем тронут. Ну, тем, конечно, и пришлось повернуть оглобли. Ты немедленно созываешь докторов — целый консилиум — и сулишь три дуката тому, кто пропишет собаке рецепт. Мы страшились, что у господ врачей хватит гордости заупрямиться и отказаться, и уж готовы были применить силу. Как бы не так! Почтенные медики передрались из-за трех дукатов и живо сбили цену до трех баценов; в минуту появилась добрая дюжина рецептов, так что сука тут же и околела.

Карл Моор. Подлецы!

Шпигельберг . Погребение совершается с отменным великолепием; надгробных речей, восхваляющих пса, не обобратся. И вот среди ночи мы, чуть ли не тысяча человек, выстраиваемся,

каждый с фонарем в одной и рапирой в другой руке, да так, под колокольный звон, бряцая оружием, и проходим через весь город до места последнего упокоения собаки. Затем до самого рассвета идет жратва. Наконец ты встаешь, благодаришь за участие и велишь пустить в продажу остатки мяса за полцены! *Mort de ma vie!* ²³ Мы глядели на тебя с не меньшим почтением, чем гарнизон завоеванной крепости глядит на победителя.

Карл Моор. И тебе не стыдно этим похвалиться? У тебя хватает совести не стыдиться таких проделок?

Шпигельберг. Молчи, молчи! Ты больше не Моор. Не ты ли за бутылкою вина тысячи раз насмеялся над старым скрягой, приговаривая: «Пусть себе копит да скряжничает, а я буду пить так, что небу станет жарко!» Ты это помнишь? Хе-хе! Помнишь? Эх ты, бессовестный, жалкий хвастунишка! Это было сказано по-молодецки, по-дворянски, а нынче...

Карл Моор. Будь проклят ты за то, что напоминаешь мне об этом! Будь проклят я, что говорил так! Но это я говорил в винном чаду: сердце не слышало, что болтал язык.

²³ Клянусь честью! (франц.)

Шпигельберг *(качая головой)*. Нет! Нет! Нет! Не может быть! Не верю, что ты говоришь серьезно. Скажи, братец, уж не нужда ли настроила тебя на подобный лад? Дай-ка я расскажу тебе один случай из моего детства. Возле нашего дома находился ров шириной ни много ни мало футов в восемь, и мы, ребята, бывало, взапуски стараемся через него перескочить. Да все напрасно. Хлоп! — и ты лежишь на дне, а вокруг крик, хохот, всего тебя закидают снежками. У соседнего дома сидела на цепи собака, такая злющая тварь, что девкам просто прохода не было: чуть зазеваются, она и хватить за юбку! Лучшей моей утехой было чем ни попадя дразнить собаку. Я прямо подышал со смеху, когда эта бестия уставится на меня, кажется, так и ринулась бы, кабы не цепь. И что же случилось? Раз как-то я опять взялся за свои проделки и угодил ей камнем в ребро; она в бешенстве сорвалась с цепи и прямо на меня. Черт подери! Я помчался сломя голову, но вот беда — проклятый ров как раз передо мной. Что делать? Собака гонится по пятам. Размышлять тут некогда. Я разбежался — скок — и перемахнул через ров. Этому прыжку я обязан жизнью. Пес разорвал бы меня в куски.

Карл Моор. К чему ты клонишь?

Шпигельберг . К тому, что силы растут с нуждой... Вот почему я никогда не трушу, когда доходит до крайности. Мужество растет с

опасностью: чем туже приходится, тем больше сил. Судьба, верно, хочет сделать из меня великого человека, раз так упорно ставит мне преграды.

Карл Моор (*досадливо*). Право, не знаю, на что нам еще мужества и когда нам его не хватало?

Шпигельберг . Ах, так? Значит, ты хочешь, чтобы твои способности пошли прахом? Хочешь зарыть свой талант в землю? Может, ты воображаешь, что твои лейпцигские шалости — предел человеческого остроумия? Нет, голубчик, пустимся-ка в свет: в Париж и в Лондон, где можно живо заработать оплеуху, назвав кого-нибудь честным человеком. Душа радуется, как там поставлено дело! Ты, брат, рот разинешь, глаза вытаращишь! А как там подделывают подписи, передергивают карты, взламывают замки и вытряхивают требуху из сундуков! Этому, брат, поучись у Шпигельберга! На виселицу того каналью, который согласен голодать, имея ловкие руки!

Карл Моор (*рассеянно*). Как! Ты уже и на это пошел?

Шпигельберг . Чего доброго, ты мне не веришь? Постой, дай мне только развернуться! Ты увидишь чудеса! У тебя голова пойдет кругом, когда мой изобретательный ум с воем разрешится от бремени! (*Встает, с жаром.*) Как все во мне проясняется! Великие мысли занимают в душе

моей! Гигантские планы бродят в моем творческом мозгу! (*Ударяет себя по лбу.*) Будь проклята сонная одурь, которая до сей поры сковывала мои силы, преграждала мне путь, мешала моим начинаниям! Но вот я просыпаюсь, я сознаю, кто я такой и кем должен стать.

Карл Моор . Ты дурак! Это вино в тебе колобродит.

Шпигельберг (*все более разгораясь*). Шпигельберг, будут говорить, ты чародей, Шпигельберг! Жаль, что ты не сделался генералом,²⁴ Шпигельберг, скажет король. Ты бы сквозь игольное ушко прогнал всю австрийскую армию! Ах, сетуют доктора, ужасно, непростительно, что этот человек не занялся медициной! Он изобрел бы новый порошок против

²⁴ *Жаль, что ты не сделался генералом...* — Первое действие «Разбойников» относится к маю 1756 года, кануну так называемой Семилетней войны, которая началась в конце августа того же года. Прусский король Фридрих II вел эту войну с тем, чтобы закрепить за собой отнятую им у австрийцев Силезию и добиться господства среди германских государств. Россия, которой угрожало усиление Пруссии, приняла участие в этой войне; русские войска разгромили пруссаков при Гроссегерсдорфе (1757 г.), нанесли поражение самому Фридриху II при Кунерсдорфе (1759 г.) и заняли Берлин (1760 г.).

зоба! Ах, как жаль, что он не захотел быть министром финансов, вздыхают новые Сюлли²⁵ в своих кабинетах, он бы камни превратил в луидоры! «Шпигельберг! Шпигельберг!» — будут говорить на востоке и западе. Пресмыкайтесь же в грязи, вы, бабье, гадины! А Шпигельберг, расправив крылья, полетит в храм бессмертия.

Карл Моор . Счастливого пути! Карабкайся по позорному столбу на вершину славы. В тени дедовских роц, в объятиях моей Амалии меня ждут иные радости. Еще на прошлой неделе в письме к отцу я умолял его о прощении; я не скрыл ни одного своего проступка. А где чистосердечие, там сострадание и помощь. Простимся, Мориц! Мы видимся сегодня в последний раз. Почта пришла. Отцовское прощение уже здесь, в стенах города.

Входят Швейцер, Гримм, Роллер, Шуфтерле, Рацман.

Роллер . Знаете ли вы, что нас выслеживают?

²⁵ *Сюлли* — герцог Максимилиан де Сюлли (1559–1641), министр финансов и друг французского короля Генриха IV (1589–1610 гг.). После сорокалетней религиозно-гражданской войны во Франции он упорядочил денежное хозяйство страны. Шиллер издал впоследствии на немецком языке его мемуары.

Гримм . Что нас могут схватить каждую минуту?

Карл Моор . Меня это не удивляет. Будь что будет! Не встречался ли вам Шварц? Не говорил ли, что у него есть письмо для меня?

Роллер . Что-то такое говорил. Он давно тебя ищет.

Карл Моор . Где он? Где, где? (*Порывается бежать.*)

Роллер . Постой! Мы велели ему прийти сюда. Ты дрожишь?

Карл Моор . Нет! Отчего бы мне дрожать? Друзья, это письмо... Радуйтесь вместе со мной! Счастливее меня нет человека под солнцем! Отчего мне дрожать?

Входит Шварц.

(*Бежит ему навстречу.*) Брат! Брат! Письмо, письмо!

Шварц (*подает ему письмо. Моор поспешно его распечатывает.*) Что с тобою? Ты блее мела.

Карл Моор . Рука моего брата!

Шварц . Да что это со Шпигельбергом?

Гримм . Малый рехнулся! Дергается, как в пляске святого Витта.

Шуфтерле . У него ум за разум зашел! Похоже, что он сочиняет стихи.

Рацман . Шпигельберг! Эй, Шпигельберг! Не слышит, скотина!

Гримм (*трясет его*). Эй, парень, ты бредишь, что ли?

Шпигельберг, в продолжение всего разговора сидевший в углу и жестикулировавший, как человек, занятый разработкой сложного плана действий, стремительно вскакивает, кричит: «La bourse ou la vie!» 26 — и хватает за горло Швейцера, который преспокойно отбрасывает его к стене. Моор роняет письмо и выбегает как безумный. Все вскакивают.

Роллер (вслед ему). Моор! Куда ты, Моор? Что с тобой?

Гримм . Что с ним? Что с ним? Он бледен как смерть.

Швейцер . Хорошие, должно быть, вести. Посмотрим!

Роллер (*поднимает с пола письмо и читает*). «Несчастный брат!» Веселое начало! «Я должен вкратце уведомить тебя, что твои надежды не оправдались. Ступай, велит тебе сказать отец, туда, куда тебя ведут твои постыдные деянья. Далее он

26 Кошелек или жизнь! (*франц.*).

велит передать, чтобы ты не надеялся на коленях вымолить у него прощение, если не хочешь лакомиться хлебом и водой в подвалах его башен до тех пор, пока волосы не вырастут у тебя с орлиные перья и ногти не уподобятся птичьим когтям. Это его собственные слова. Он приказывает мне кончить письмо. Прощай навеки. Мне жаль тебя! Франц фон Моор».

Швейцер . Милейший братишка! Что и говорить! Францем зовут этого пройдоху?

Шпигельберг (*тихонько подходит к ним*). Вы говорите о хлебе и воде? Хорошая жизнь! Я для вас припас кое-что получше. Разве я всегда не говорил вам, что мне еще в конце концов за всех вас придется думать.

Швейцер . Что там брешет эта баранья голова? Осел хочет думать за нас всех?

Шпигельберг . Зайцы вы, калеки, хромоногие собаки, если у вас не хватает духу отважиться на что-нибудь великое!

Роллер . Ну, ладно! Пусть так! Но твоя-то выдумка поможет нам выбраться из этого проклятого положения? А?

Шпигельберг (*с надменным хохотом*). Несчастные! Выбраться из этого проклятого положения? Ха-ха-ха!.. Из проклятого положения? На что-нибудь более тонкое твой жалкий умишко не способен? С прежним грузом по старым лузам?

Сукин сын был бы Шпигельберг, если бы он на это только и был еще способен! Героями, говорю я тебе, баронами, князьями, богами сделает вас моя затея.

Рацман . Не много ли с одного-то маху? Но на такой работе, верно, можно и шею сломать?

Шпигельберг . Ничуть! Здесь требуется только смелость, так как по части ума и изобретательности я все беру на себя. Смелее, говорю я, Швейцер! Смелее, Роллер, Гримм, Рацман, Шуфтерле! Смелее!

Швейцер . Смелее? Если дело только за этим, у меня хватит смелости босиком пройти через ад.

Шуфтерле . А у меня — под самой виселицей подраться с чертом за душу бедного грешника.

Шпигельберг . Вот это по мне! Если в вас точно есть мужество, пускай кто-нибудь выйдет и скажет: есть у него еще что терять или он может только выиграть?

Шварц . У меня нашлось бы немало что потерять, если б можно было терять то, что еще предстоит приобрести.

Рацман . Да, черт возьми, и немало приобрести, если бы хотелось приобретать то, чего уже нельзя потерять.

Шуфтерле . Случись мне потерять что на мне надето, да и то с чужого плеча, — завтра мне и впрямь нечего будет терять.

Шпигельберг (*становится посреди них и говорит голосом заклинателя*). Итак, если в вас есть еще хоть капля крови германских героев — за мной! Мы поселимся в богемских лесах, соберем шайку разбойников и... Что вы на меня уставились? Смелость, видно, уже испарилась?

Роллер . Ты не первый мошенник, который смотрит вверх виселицы. А впрочем, твоя правда — выбора у нас нет.

Шпигельберг . Выбора? У вас нет выбора? А не хотите ли сидеть в долговой яме и забавлять друг дружку веселыми анекдотами, пока не протрубят к Страшному суду? А не то можете потеть с мотыгой и заступом в руках из-за куска черствого хлеба! Или с жалостной песней вымаливать под чужими окнами тощую милостыню! Можно также облечься в серое сукно; но тут возникает вопрос: доверятся ли вашим рожам? А там, повинувшись самодуру капралу, пройти все муки чистилища ²⁷ или в такт барабану прогуляться под свист шпицрутенов! Или в

²⁷ *Муки чистилища*. — По учению католической церкви, чистилище — место, в котором души умерших, не отягченных смертными грехами, очищаются от грехов, прежде чем попасть в рай.

галерном раю²⁸ таскать на себе весь железный склад Вулкана!²⁹ А вы говорите, выбора нет. Да выбирайте любое!

Роллер . Шпигельберг не так уж не прав. Я тоже состряпал кое-какие планы, но все они в конце концов свелись к одному: что, думал я, если нам засесть да скропать альманах — карманную книжонку или что-нибудь в этом роде, — да начать пописывать грошовые рецензии, как это нынче в моде?

Шуфтерле . Черт возьми! Ну, да это недалеко ушло от моих проектов. Я тоже втихомолку

²⁸ ...*в галерном раю* — на каторге. Галеры — старинное боевое судно, ходившее под парусами и на веслах. Приговоренные к ссылке на галеры становились гребцами на государственных судах. Впоследствии выражение «сослать на галеры» стало обозначать ссылку на каторжные работы вообще (галера — по-новогречески «катергон»; в XVIII в. в России многовесельные суда назывались «каторги»).

²⁹ ...*таскать на себе весь железный склад Вулкана* — то есть кандалы. Вулкан (*рим. миф.*) — бог огня (у греков — Гефест), сын Юпитера и Юноны. Он устроил на острове Сицилия в Средиземном море, под огнедышащей горой Этной (вулканом — слово, произведенное от имени бога огня — Вулкана), кузницу, где и работал с циклопами — одноглазыми великанами, ковавшими по его приказу молнии.

подумывал: сделаюсь-ка я пиетистом,³⁰ да и начну еженедельно проводить назидательные беседы.

Гримм . Отлично! А не получится — безбожником: можно всыпать хорошенько четверем евангелистам, так, чтобы нашу книгу предали потом сожжению, — вот и сделали бы дельце!

Рацман . А не ополчиться ли нам на французскую болезнь — я знаю одного доктора, который построил себе дом из чистой ртути, как о том свидетельствует дощечка на его двери.

Швейцер (встает и протягивает Шпигельбергу руку)» Мориц, либо ты великий человек, либо желудь найден слепой свиньей.

Шварц . Прекрасные планы! Честные занятия! Как, однако, тяготеют друг к другу великие души. Нам недостает только превратиться в девок и своден или торговать своей невинностью.

Шпигельберг . Чепуха! Чепуха! А что вам мешает соединить все это в одно? Мой план вас живо выведет в люди, а бессмертие и слава приложатся. Эх вы, голоштанники! Надо ведь и об

30 ...сделаюсь-ка я пиетистом... — Пиетисты — последователи пиетизма («*pietas*» лат. - «благочестие»), религиозного течения среди протестантов Западной Европы (вторая половина XVIII в.); пиетисты отличались порой ханжеским, притворным, показным благочестием.

этом подумать — о посмертной славе, о сладостном сознании своей незабвенности!

Роллер . И о первом месте в списке честных людей. Ты славный оратор, Шпигельберг, когда дело идет о том, чтобы сделать из честного человека мошенника. Но куда же это запропастился Моор?

Шпигельберг . Из честного? Неужели ты думаешь, что тогда ты будешь менее честен, чем теперь? И что ты называешь «честностью»? Помогать богатым скрягам сбить с шеи хотя бы треть забот, лишаящих их золотого сна; пускать в оборот залежавшиеся капиталы; восстанавливать имущественное равновесие — одним словом, воскресить золотой век на земле,³¹ освободить господа бога от кое-каких обременительных нахлебников, сократить потребность в войнах, в моровой язве, в голодуре и докторах — вот что, по-моему, значит быть честным, быть достойным орудием в руках провидения! Ведь тогда при каждом куске жаркого, отправляемого в рот, ты можешь тешить себя лестным сознанием, что этим куском ты обязан своей хитрости, своему львиному

31 ...воскресить золотой век на земле... — В древнегреческой и римской мифологии — время блаженного существования первых людей.

мужеству, своим бессонным ночам. Быть в почете у всех от мала до велика...

Роллер . И, наконец, заживо вознестись поближе к небу и, несмотря на бурю и ветер, несмотря на прожорливый желудок прадедушки-времени, качаться под солнцем, луной и мерцающими звездами — там, где неразумные птицы небесные, привлеченные благородной жадностью, поют сладостные песни, а хвостатые ангелы собираются на свой синедрион! Не так ли? И пускай, в то время как монархов и владетельных князей пожирают черви, на твою долю выпадает честь принимать визиты Юпитерова орла! Мориц! Мориц! Берегись, берегись трехногого зверя!³²

Шпигельберг . И тебя это пугает, заячья душа? Разве мало великих гениев, способных преобразить мир, сгнило на живодерне? И разве память о них не сохраняется века, тысячелетия, тогда как множество королей и курфюрстов были бы позабыты, если б историки не страшились пробелов в преемственности или не стремились удлинить на несколько страниц свои книги, за которые им платит наличными издатель? А если прохожий увидит, как ты раскачиваешься на ветру, он проворчит себе под нос: «Похоже, малый был не

³² ...берегись трехногого зверя! — то есть виселицы.

промах!» — и посетует на худые времена.

Швейцер (*треплет его по плечу*). Славно, Шпигельберг, славно! Что же, черт возьми, вы стоите там и медлите?

Шварц . Пусть это называется проституцией — не велика беда! И потом, разве нельзя на всякий случай носить с собой порошок, который тихонько спровадит тебя за Ахерон, где уж ни один черт не узнает, кто ты таков? Да, брат Мориц! Твой план не плох. Таков и мой катехизис!

Шуфтерле . Гром и молния! И мой также! Шпигельберг, ты меня завербовал!

Рацман . Ты, как новый Орфей³³, усыпил свою музыку рыкающего зверя — мою совесть. Бери меня со всеми потрохами!

Гримм . Si omnes consentiunt ego pop dissentio³⁴ К Заметьте, без запятой. В моей голове целый аукцион: и пиетисты, и шарлатаны, и рецензенты, и мошенники! Кто больше даст, за тем и пойду. Вот моя рука, Мориц!

³³ *Орфей* — мифический певец в Древней Греции, своим пением приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей (символ могущества музыки, силы ее воздействия).

³⁴ Если все согласны, то и я перечу (*лат.*).

Роллер . Ты тоже, Швейцер? (*Подает Шпигельбергу правую руку.*) Ну что ж, и я закладываю душу дьяволу.

Шпигельберг . А свое имя — звездам. Не все ли равно, куда отправятся наши души? Когда сонмы курьеров возвестят о нашем сошествии, а черти вырядятся по-праздничному, сотрут с ресниц тысячелетнюю сажу и высунут мириады рогатых голов из дымящихся жерл серных печей, чтобы посмотреть на наш въезд! (*Вскакивает.*) Други! Живее, други! Что сравнится с этим пьянящим восторгом? Вперед!

Роллер . Потихе, потихе! Куда? И зверю нужна голова, ребятки.

Шпигельберг (*язвительно*). Что он там проповедует, этот кунктатор? Разве голова не варила, когда тело еще бездействовало? За мной, друзья!

Роллер . Спокойно, говорю я! Свобода тоже должна иметь господина. Без головы погибли Рим и Спарта.

Шпигельберг (*льстиво*). Да, погодите, Роллер прав. И это должна быть светлая голова! Понимаете? Тонкий политический ум. Подумать только, чем были вы час назад и чем стали теперь? От одной удачной мысли! Да, конечно, у вас должен быть начальник. Ну, а тот, кому пришла в голову такая мысль, — скажите, разве это не

тонкий политический ум?

Роллер . О, если б можно было надеяться, мечтать... Но нет, боюсь, он никогда не согласится.

Шпигельберг . Почему? Говори напрямик, друг! Как ни трудно вести корабль против ветра, как ни тяжело бремя короны... Говори смелее, Роллер! Может быть, он и согласится...

Роллер . Все пойдет ко дну, если он откажется. Без Моора мы тело без души.

Шпигельберг (*недовольный, отходит от него*). Остолоп!

Моор (*входит в сильном волнении и мечется по комнате, разговаривая сам с собою*). Люди! Люди! Лживые, коварные ехидны! Их слезы — вода! Их сердца — железо! Поцелуй на устах — и кинжал в сердце! Львы и леопарды кормят своих детенышей, вороны носят падаль своим птенцам, а он, он... Черную злобу научился я сносить. Я могу улыбаться, глядя, как мой заклятый враг поднимает бокал, наполненный кровью моего сердца... Но если кровная любовь предает меня, если любовь отца превращается в мегеру, — о, тогда возгорись пламенем, долготерпение мужа, обернись тигром, кроткий ягненок, каждая жилка наливайся злобой и гибелью!

Роллер . Послушай, Моор! Как ты думаешь, ведь разбойничать лучше, чем сидеть на хлебе и воде в подземелье?

Моор . Зачем такая душа не поселилась в тело тигра, яростно терзающего человеческую плоть? И это — отцовские чувства? И это — любовь за любовь? Я хотел бы превратиться в медведя, чтобы заставить всех полярных медведей двинуться на подлый род человеческий! Раскаянье — и нет прощенья! О, я хотел бы отравить океан, чтобы из всех источников люди впивали смерть! Такая доверчивость, такая непреклонная уверенность — и нет милосердия!

Роллер . Да послушай же, Моор, что я тебе скажу!

Моор . Нет, этому нельзя верить! Это сон! Бред! Такая смиренная мольба, такое живое изображение горя и слезного раскаяния... Сердце дикого зверя растаяло бы от сострадания, камни бы расплакались... И что же? О, если рассказать, это покажется злобным пасквилем на род человеческий. И что же, что? О, если б я мог протрубить на весь мир в рог восстания и воздух, моря и землю поднять против этой стаи гиен!

Гримм . Да послушай же, Моор! Ты от бешенства ничего не слышишь.

Моор . Прочь! Прочь от меня! Разве имя твое не человек? Разве не женщина родила тебя? Прочь с глаз моих, ты, что имеешь обличье человека! Я так несказанно любил его! Ни один сын не любил так своего отца! Тысячу жизней положил бы я за него!

(В бешенстве топает ногой.) О, кто даст мне в руки меч, чтобы нанести жгучую рану людскому племени, этому порождению ехидны! Кто скажет мне, как поразить самое сердце его жизни, раздавить, растерзать его, тот станет мне другом, ангелом, богом! Я буду молиться на него!

Роллер . Такими друзьями мы и хотим стать. Выслушай же нас!

Шварц . Пойдем с нами в богемские леса! Мы наберем шайку разбойников, а ты...

Моор дико смотрит на него.

Швейцер . Ты будешь нашим атаманом! Ты должен быть нашим атаманом!

Шпигельберг *(в ярости бросается в кресло)*. Холопы! Труссы!

Моор . Кто нашептал тебе эти слова? Послушай, дружище! *(Хватает Шварца за руку.)* Ты извлек их не со дна твоей души — души человека. Кто нашептал тебе эту мысль? Да, клянусь тысячерукой смертью, мы это сделаем! Мы должны это сделать! Мысль, достойная преклоненья! Разбойники и убийцы! Клянусь спасением души моей — я ваш атаман!

Все *(с шумом и криками)*. Да здравствует атаман!

Шпигельберг *(вскакивая, про себя)*. Атаман,

покуда я его не спроважу!

Моор . Точно бельмо спало с глаз моих. Каким глупцом я был, стремясь назад, в клетку! Дух мой жаждет подвигов, дыханье — свободы! Убийцы, разбойники! Этими словами я попираю закон. Люди заслонили от меня человечество, когда я взывал к человечеству... Прочь от меня, сострадание и человеческое милосердие! У меня нет больше отца, нет больше любви!.. Так пусть же кровь и смерть научат меня позабыть все, что было мне дорого когда-то! Идем! Идем! О, я найду для себя ужасное забвение! Решено — я ваш атаман! И благо тому из нас, кто будет всех неукротимее жечь, всех ужаснее убивать; ибо, истинно говорю вам, он будет награжден по-царски! Становитесь все вокруг меня, и каждый да поклянется мне в верности и послушании до гроба! Пожмем друг другу руки!

Все (*протягивая ему руки*). Клянемся тебе в верности и послушании до гроба.

Моор . А моя десница будет порукой, что я преданно и неизменно, до самой смерти, останусь вашим атаманом! Да умертвит эта рука без промедленья того, кто когда-нибудь струсит, или усомнится, или отречется! И пусть так же поступит со мной любой из вас, если я когда-либо нарушу свою клятву. Довольны вы?

Шпигельберг в бешенстве бежит взад и вперед.

Все (*бросая вверх шляпы*). Довольны!
Довольны!

Моор . Итак, в путь! Не страшитесь ни смерти, ни опасностей! Ведь нами правит неумолимый рок: каждого постигнет конец — будь то на мягкой постели, в чаду кровавой битвы, на виселице или на колесе. Другого удела нет.

Уходят.

Шпигельберг (*глядя им вслед, после некоторого молчания*). В твоём перечне остался пробел. Ты не назвал яда. (*Уходит.*)

Сцена третья

В замке Моора. Комната Амалии.

Франц, Амалия.

Франц . Ты отворачиваешься, Амалия? Разве я не стою того, чего стоит проклятый отцом?

Амалия . Прочь! О, этот чадолюбивый, милосердный отец, отдавший сына на съеденье волкам и чудовищам! Сидя дома, он услаждает себя дорогими винами и покоит свое дряхлое тело на пуховых подушках, в то время как его великий,

прекрасный сын — в тисках нужды! Стыдитесь, вы, чудовища! Стыдитесь, драконовы сердца!³⁵ Вы — позор человечества! Своего единственного сына...

Франц . Я считал, что у него их двое.

Амалия . Да, он заслуживает таких сыновей, как ты. На смертном одре он будет тщетно протягивать иссохшие руки к своему Карлу и с ужасом отдернет их, коснувшись ледяной руки Франца. О, как сладостно, как бесконечно сладостно быть проклятым твоим отцом! Скажи, Франц, любящая братская душа, что нужно сделать, чтобы заслужить его проклятье?

Франц . Ты в бреду, моя милая. Мне жаль тебя.

Амалия . Оставь! Жалеешь ты своего брата? Нет, чудовище! Ты ненавидишь его! Ты и меня ненавидишь!

Франц . Я люблю тебя, как самого себя, Амалия!

Амалия . Если ты меня любишь, то, верно, не откажешь мне в просьбе?

Франц ... Никогда, никогда, если ты не

³⁵ *Стыдитесь, драконовы сердца!* — Дракон — сказочное чудовище, крылатый змей. Шиллер написал впоследствии балладу «Бой с драконом»; есть упоминание о драконе и в «Вильгельме Телле» (сцена на Рютли).

потребуешь большего, чем моя жизнь.

Амалия . О, если так, то эту просьбу ты очень легко, очень охотно исполнишь... (*Гордо.*)
Ненавидь меня! Я сейчас сгорела от стыда, когда, думая о Карле, представила себе, что ты не питаешь ко мне ненависти. Ты обещаешь мне это? Теперь ступай! Оставь меня! Я люблю быть одна.

Франц . Прелестная мечтательница! Как восхищаюсь я твоим нежным, любящим сердцем! Здесь (*касаясь ее груди*), здесь царил Карл, как божество в своем храме! Карл стоял перед тобой наяву, Карл являлся тебе в сновидениях. Вся вселенная сливалась для тебя в Карле, все отражало его, все твердило о нем.

Амалия (*взволнованная*). Да, правда! Признаюсь! Назло вам, извергам, признаюсь перед целым светом: я люблю его!

Франц . Бесчеловечно! Жестоко! Так заплатить за эту любовь! Позабыть ту...

Амалия (*вспылив*). Что? Позабыть меня?

Франц . Разве ты не надела ему на прощанье брильянтового кольца в залог твоей верности?.. Но, впрочем, как устоять юноше перед прелестями какой-нибудь блудницы! Кто осудит его, если ему нечего было отдать ей? И к тому же — разве она не заплатила ему с лихвою ласками и объятиями?

Амалия (*возмущенная*). Мое кольцо — блуднице?

Франц . Фу, как это подло! Но если б это было все!.. Перстень, как бы он ни был дорог, можно достать у любого жида. Может быть, Карлу не понравилась работа и он выменял его на лучший?

Амалия (*гневно*). Но мой перстень, говорю я, мой перстень!

Франц . Да, твой, Амалия! Такое бы сокровище — и на моем пальце! И от кого? От Амалии! Сама смерть не вырвала бы его у меня, Амалия! Ведь не чистота брильянта, не искусная работа, — любовь придает ему цену! Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто исторг драгоценные капли из твоих божественных глаз! Ах, если бы ты знала все, если бы ты видела его самого... и в таком обличье!

Амалия . Чудовище! Как? В каком обличье?

Франц . Нет, нет, ангел души моей, не спрашивай меня! (*Как будто про себя, но достаточно громко.*) О, если бы существовала завеса, чтобы скрыть от глаз света этот гнусный порок! Но нет! Он глядит из пожелтевших глаз, обведенных свинцовыми кругами, он выдает себя мертвенно-бледным, осунувшимся лицом, уродливо заостренными скулами. Вот он бормочет глухим, охрипшим голосом, вот он вопит о себе, дрожащий, качающийся скелет, он проникает до мозга костей и сокрушает мужественную силу юности, вот, вот

брызжет он со лба, со щек, изо рта, со всего тела гнойной, разъедающей пеной, мерзостно гнездится в постыдных скотских язвах. Тьфу, тьфу! Мне тошно! Нос, глаза, уши — все ходит ходуном... Ты помнишь, Амалия, несчастного, который умер, задохнувшись от кашля в нашей больнице? Казалось, стыд отворачивает от него свои взоры! Ты вскрикнула в ужасе, увидав его. Воскреси этот образ в своей душе — и перед тобой возникнет Карл. Его поцелуй — чума, его губы дышат отравой.

Амалия (*дает ему пощечину*). Бесстыжий клеветник!

Франц. Тебя ужасает такой Карл? Даже этот бледный образ вызывает в тебе отвращение? Поди полюбуйся на него сама, на своего прекрасного, ангелоподобного, божественного Карла. Поди упейся бальзамом его дыхания, дай умертвить себя запаху амброзии³⁶, вырывающемуся из его пасти. Один его вздох вдохнет в тебя ту губительную, смертоносную дурноту, какую вызывает вонь разлагающейся падали, усеянное трупами поле битвы.

³⁶ ...запаху амброзии. — Амброзия (*греч. миф.*) — это пища богов, как нектар — их напиток.

Амалия отворачивается.

Какой вихрь любви! Какое сладострастие в объятиях! Но справедливо ли осуждать человека за его неприглядную внешность? Ведь и в жалком теле калеки Эзопа³⁷, как рубин в грязи, блистала великая, достойная душа! (*Злобно улыбаясь.*) Даже из уст, покрытых язвами, любовь может... Конечно, если порок не расшатает силы характера, если вместе с целомудрием не улетучится и добродетель, как запах из увядшей розы, если вместе с телом калекой не станет дух...

Амалия (радостно вскакивает). О Карл! Я снова узнаю тебя! Ты все тот же, тот же! Все это ложь! Ужели ты не знаешь, злодей, что Карл не может стать иным?

Франц некоторое время стоит в глубоком раздумье, затем внезапно поворачивается, собираясь уйти.

Куда так поспешно? Бежишь от собственной совести?

Франц (*закрыв лицо руками*). Отпусти меня!

³⁷ ...в жалком теле калеки Эзопа... — Эзоп (VI в. до н. э.) — греческий баснописец, был, по преданию, уродлив.

Отпусти! Дать волю слезам! Тиран отец! Лучшего из своих сыновей предать во власть нужды, публичного позора! Пусти меня, Амалия! Я паду к его ногам, я на коленях буду молить его переложить на меня тяжесть отцовского проклятия — лишить меня наследства, меня... Моя кровь... моя жизнь... все...

Амалия (*бросается ему на шею*). Брат моего Карла! Добрый, милый Франц!

Франц . О Амалия! Как я люблю тебя за эту непоколебимую верность моему брату! Прости, что я посмел так жестоко искушать твою любовь!.. Как прекрасно ты оправдала мои надежды! Эти слезы, вздохи, этот гнев... как дороги, как близки они мне!.. Наши братские сердца бились так согласно!

Амалия . О нет, этого не было никогда!

Франц . Ах, они пребывали в такой гармонии! Мне всегда казалось, будто мы родились близнецами! Если б не это досадное внешнее несходство, не будь которого Карл, к сожалению, утратил бы свои преимущества, нас бы путали десять раз на дню. Ты, часто говорю я себе, ты вылитый Карл, его эхо, его подобие.

Амалия (*качая головой*). Нет, нет! Клянусь непорочным небом — ни одной его черточки, ни искорки его чувства!

Франц . Мы так схожи и в склонностях! Роза была его любимым цветком. Какой цветок мне

милее розы? Он несказанно любил музыку! Звезды небесные, вас призываю в свидетели, в мертвой тишине ночи, когда все вокруг погружалось во мрак и дремоту, вы подслушивали мою игру на клавесине! Как можешь ты еще сомневаться, Амалия? Ведь наша любовь сходилась в одной точке совершенства; а если любовь одна, как могут быть несхожими те, в чьих сердцах она гнездится?

Амалия удивленно смотрит на него.

Был тихий, ясный вечер, последний перед его отъездом в Лейпциг, когда он привел меня в беседку, где вы так часто предавались любовным грезам. Мы долго сидели молча. Потом он схватил мою руку и тихо, со слезами в голосе, сказал: «Я покидаю Амалию... Не знаю почему, но мне чудится, что это навеки. Не оставляй ее, брат! Будь ее другом — ее Карлом, если Карлу не суждено возвратиться!» *(Бросается перед ней на колени и с жаром целует ей руки.)* Никогда, никогда, никогда не возвратится он, а я дал ему священную клятву!

Амалия *(отпрянув от него)*. Предатель! Вот когда я уличила тебя! В этой самой беседке он заклинал меня не любить никого, если ему суждено умереть. Слышишь ты, безбожный, мерзкий человек! Прочь с глаз моих!

Франц . Ты не знаешь меня, Амалия, совсем не знаешь!

Амалия . Нет! Я знаю тебя! Теперь-то я знаю тебя... И ты хотел быть похожим на него? И это перед тобой он плакал обо мне? Скорее он написал бы мое имя на позорном столбе! Вон, сейчас же вон!

Франц . Ты оскорбляешь меня!

Амалия . Вон, говорю я! Ты украл у меня драгоценный час. Пусть вычтется он из твоей жизни!

Франц . Ты ненавидишь меня!

Амалия . Я тебя презираю. Уходи!

Франц (*топая ногами*). Пстой же! Ты затрепещешь передо мной! Мне предпочесть нищего?! (*Уходит.*)

Амалия . Иди, негодяй! Теперь я снова с Карлом. «Нищего», сказал он? Все перевернулось в этом мире! Нищие стали королями, а короли нищими. Лохмотья, надетые на нем, я не променяю на пурпур помазанников божьих! Взгляд его, когда он просит подаяния, — о, это гордый, царственный взгляд, обращающий в пепел пышность, великолепие, торжество богатых и сильных! Валяйся в пыли, блестящее ожерелье! (*Срывает с шеи жемчуг.*) Носите его, богатые, знатные! Носите это проклятое золото и серебро, эти проклятые алмазы! Пресыщайтесь роскошными

яствами, нежьте свои тела на мягком ложе сладострастья! Карл! Карл! Вот теперь я достойна тебя! (*Уходит.*)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Франц фон Моор сидит, задумавшись, в своей комнате.

Франц . Нет, это тянется слишком долго... Врач говорит, что дело идет на поправку. Старики живучи! А ведь передо мною открылась бы ровная, свободная дорога, если бы не этот постылый, жилистый кусок мяса, который, как та подземная собака из волшебной сказки, преграждает мне доступ к моим сокровищам.

Неужто моим замыслам склониться под железное ярмо естества? Неужто мне приковать свой парящий дух к медленному, черепашьему шагу материи? Задуть огонь, который и без того чуть тлеет на выгорающем масле — не более! И все же я не хотел бы это сделать сам... Из-за людской молвы. Я хотел бы не убить его, но сжить со свету. Я хотел бы поступать, как мудрый врач, только наоборот: не ставить преград на пути природы, а

торопить ее шаг. Ведь удается же нам удлинять жизнь; так почему бы не попытаться укоротить ее?

Философы и медики утверждают, что состояние духа и работа всего человеческого организма находятся в тесной взаимосвязи. Подагрические ощущения всякий раз сопровождаются расстройством механических отправлений; страсти подрывают жизненную силу; не в меру отягощенный дух клонит к земле свою оболочку — тело. Так как же быть? Кто сумеет смерти расчистить дорогу в замок жизни; поразив дух, разрушить тело? Ах! Неглупая мысль! Но кто ее осуществит? А мысль-то бесподобная! Пораскинь мозгами, Моор! Вот это был бы эксперимент! Право же, лестно впервые произвести его! Ведь довели же смешение ядов до степени чуть ли не подлинной науки и путем опытов вынудили природу указать, где ее границы. Так что теперь на несколько лет вперед высчитывают биение сердца и говорят пульсу: доселе и не дальше. Отчего же и нам не испробовать силу своих крыльев?

Но с чего начать? Как нарушить это сладостное, мирное единение души и тела? Какую категорию чувств избрать мне? Какая из них злее поразит цвет жизни? Гнев — этот изголодавшийся волк слишком скоро насыщается. Забота — для меня этот червь точит слишком медленно; тоска — эта ехидна ползет так лениво; страх — надежда не

дает ему воли. Как? И это все палачи человека? Ужели так быстро истощился арсенал смерти? (*Задумывается.*) Как? Ну же! Нет! А! (*Вскакивая.*) Испуг! Какие пути заказаны испугу? Что разум, религия против ледяных объятий этого исполина? И все же... Если старик устоит и против этой бури? Если он... О, тогда придите ко мне на помощь ты, жалость, и ты, раскаяние — адская Эвменида, подколотая змея, вечно жующая свою жвачку и пожирающая собственные нечистоты, вечная разрушительница, без усталости обновляющая свой яд! Явись и ты, вопиющее самообвинение, — ты, что опустошаешь собственное жилище и терзаешь родную мать! Придите и вы ко мне на помощь, благодетельные грации ³⁸: прошлое, с кроткой улыбкой на устах, и ты, цветущая будущность, со своим неисчерпаемым рогом изобилия! Легкокрылыми стопами ускользая из его жадных объятий, покажите ему в своем зеркале все

38 *...благодетельные грации...* — Грации — римское, теперь общеупотребительное, наименование древнегреческих богинь харит, с которыми греки связывали представление о прекрасном, радостном как в природе, так и в человеческой жизни. «Три грации считалось в древнем мире...» (Лермонтов): Аглая (блеск), Талия (цветущее счастье) и Эвфросина (веселье, радостное настроение). В искусстве они так и изображались втроем.

наслаждения рая. Так, удар за ударом, ураган за ураганом, обрушусь я на непрочную жизнь, покуда все это полчище фурий³⁹ не замкнет собою отчаяние. Славно! Славно! План готов, небывало трудный, искусный, надежный, верный, ибо (*насмешливо*) нож анатома здесь не найдет ни следов ранений, ни разъедающего яда. (*Решительно.*) Итак, за дело!

Входит Герман.

А! Deus ex machina!⁴⁰ Герман!

Герман . К вашим услугам, сударь.

Франц (*подает ему руку*). И ты будешь щедро вознагражден за них, Герман!

Герман . Вы уже не раз награждали меня.

Франц . Вскоре я стану еще щедрее, куда щедрее, Герман! Мне надо поговорить с тобой.

Герман . Я весь обратился в слух.

Франц . Я знаю тебя, ты решительный малый, солдатское сердце. Спуску не даешь. А мой отец ведь очень обидел тебя, Герман.

³⁹ ...полчище фурий. — Фурии — римское название Эриний, греческих богинь возмездия, кары, мести (Тизифона, Алекто, Мегера). См. балладу Шиллера «Ивиковы журавли».

⁴⁰ Буквально: бог с машины (*лат.*).

Герман . Будь я проклят, если я это забуду!

Франц . Вот это голос мужа! Месть подобает мужественному сердцу. Ты мне нравишься, Герман! Возьми этот кошелек. Он весил бы больше, будь я здесь господином.

Герман . Это мое всегдашнее желание, ваша милость! Благодарю вас!

Франц . В самом деле, Герман? Ты хочешь, чтобы я был здесь господином? Но у моего отца львиные силы, и к тому же я младший сын.

Герман . Я хотел бы, чтоб вы были старшим сыном, а у вашего отца было не больше сил, чем у чахоточной девушки.

Франц . О! Как бы награждал тебя этот старший сын! Он бы сделал все, чтобы поднять тебя из грязи к блеску, достойному твоего ума и высокого происхождения. Он осыпал бы тебя золотом с ног до головы! Ты проносился бы по улицам в карете, запряженной четверней! Да, правда, так бы оно и было! Но что я хотел сказать тебе? Ты еще не забыл фрейлейн фон Эдельрейх, Герман?

Герман . Гром и молния! Зачем вы напомнили мне о ней?

Франц . Мой брат отбил ее у тебя.

Герман . Он за это поплатится.

Франц . Она тебе отказала, а он чуть ли не спустил тебя с лестницы.

Герман . За это он полетит у меня в ад!

Франц . Он говорил, будто все шепчутся, что ты зачат под забором и что твой отец не может глядеть на тебя без того, чтобы не бить себя в грудь и не стонать: «Господи, прости меня, грешного!»

Герман (*в ярости*). Тысяча чертей! Да замолчите ли вы?

Франц . Он советовал тебе продать дворянскую грамоту с аукциона, а на вырученные деньги заштопать себе чулки!

Герман . Проклятие! Я выцарапаю ему глаза собственными руками!

Франц . Что? Ты сердисься? Как можешь ты сердиться на него? Где тебе с ним справиться? Что может крыса против льва? Твой гнев лишь подсластит его торжество. Тебе только и остается, что скрежетать зубами да вымещать свою злобу на черством хлебе.

Герман (*топая ногами*). Я его в порошок сотру!

Франц (*треплет его по плечу*). Фу, Герман, ведь ты же дворянин, ты не можешь стерпеть такой обиды. Ты не можешь позволить, чтобы у тебя из-под носа выхватили возлюбленную. Ни за что на свете, Герман! Черт побери! Я пошел бы на все, будь я на твоём месте.

Герман . Я не успокоюсь, покуда и тот и другой не будут лежать в могиле.

Франц . Не горячись, Герман! Подойди ближе... Амалия будет твоей.

Герман . Будет! Назло всем чертям — будет!

Франц . Ты получишь ее, клянусь тебе! И получишь из моих рук. Подойди ближе, говорят тебе. Ты, верно, не знаешь, что Карл, можно сказать, уже лишен наследства?

Герман (*приближаясь к нему*). Неужели? В первый раз слышу!

Франц . Успокойся и слушай дальше, — подробнее я расскажу в другой раз. Да, говорю тебе, скоро год, как отец, можно сказать, выгнал его из дому. Но старик уже раскаивается в столь поспешном шаге, на который он (*со смехом*), можешь быть уверен, решился не по своей воле. К тому же и Амалия с утра до ночи донимает его жалобами и упреками. Рано или поздно он начнет искать Карла по всему свету, а отыщет — так пиши пропало! Тебе останется только посадить его в карету, когда он поедет с ней к венцу.

Герман . Я удавлю его у алтаря!

Франц . Отец передаст ему графскую власть, а сам будет жить на покое в своих замках. И вот вожжи в руках у надменного вертопраха, вот он смеется над своими врагами и завистниками, а я, кто хотел сделать тебя богатым, знатным, — я сам, Герман, буду, низко склонившись, стоять у его порога...

Герман (с жаром). Нет, как правда то, что меня зовут Германом, — этого не будет! Если хоть искра разума еще тлеет в моем мозгу — с вами этого не случится!

Франц . Уж не ты ли тому воспрепятствуешь? Он и тебя, мой милый Герман, заставит отведать кнута; он будет плевать тебе в лицо при встрече на улице, — и горе тебе, если ты посмеешь хотя бы вздрогнуть или скривить рот. Вот как обстоит дело с твоим сватовством к Амалии, с твоими планами, с твоей будущностью.

Герман . Скажите, что мне делать?

Франц . Слушай же, Герман! И ты увидишь, какой я тебе преданный друг и как близко принимаю к сердцу твою судьбу! Ступай переоденься, чтобы никто не мог узнать тебя. Вели доложить о себе старику, скажи, что ты прямо из Богемии, что ты вместе с моим братом участвовал в сражении под Прагой и видел, как он пал на поле битвы.

Герман . Но поверят ли мне?

Франц . Хо-хо! Об этом уж я позабочусь! Вот тебе пакет: тут подробная инструкция и, кроме того, бумаги, которые убедят и олицетворенное сомнение. А теперь постарайся незаметно выйти отсюда. Беги через черный ход на двор, там перелезай через садовую стену. Развязку же этой трагикомедии предоставь мне!

Герман . Она не замедлит свершиться! Виват новому владельческому графу Францискусу фон Моору!

Франц (*треплет его по щеке*). Хитрец! Этим способом мы живо достигнем всех наших целей: Амалия утратит надежду на него; старик обвинит себя в смерти сына и тяжело захворает, — а ветхому зданию не нужно землетрясения, чтобы обвалиться. Он не переживет этой вести. И тогда я — единственный сын. Амалия, лишившись опоры, станет игрушкой в моих руках. Остальное легко можешь себе представить. Короче говоря, все примет желательный оборот. Но и ты не должен отступаться от своего слова.

Герман . Что вы? (*Радостно.*) Скорее пуля полетит назад и разворотит внутренности стрелка! Положитесь на меня! Предоставьте мне действовать! Прощайте!

Франц (*кричит ему вслед*) . Жатва твоя, любезный Герман! (*Один .*) Когда вол сvez в амбар весь хлеб, ему приходится довольствоваться сеном. Скотницу тебе, а не Амалию! (*Уходит.*)

Сцена вторая

Спальня старика Моора.

Старик Моор спит в кресле. Амалия.

Амалия (*тихонько подходит к нему*). Тише, тише! Он задремал! (*Останавливается перед ним.*) Как он прекрасен, как благостен! Такими пишут святых. Нет, я не могу на тебя сердиться! Седовласый старец, я не могу на тебя сердиться! Спи спокойно, пробудись радостно. Я одна приму на себя страдания.

Старик Моор (*во сне*). Сын мой! Сын мой! Сын мой!

Амалия (*берет его за руку*). Тсс! Тсс! Ему снится сын.

Старик Моор . Ты ли это? Ты здесь? Ах, какой у тебя жалкий вид. Не смотри на меня таким горестным взглядом! Мне тяжело и без того.

Амалия (*будит его*). Проснитесь! Это только сон! Придите в себя!

Старик Моор (*спросонок*). Разве он не был здесь? Разве я не сжимал его руку? Жестокий Франц! Ты и во сне хочешь отнять у меня сына?

Амалия . Так вот оно что!

Старик Моор (*проснувшись*). Где он? Где? Где я? Это ты, Амалия?

Амалия . Лучше ли вам? Вы так сладко спали.

Старик Моор . Мне снился сын. Зачем я проснулся? Быть может, я услышал бы из его уст слова прощения.

Амалия . Ангелы не помнят зла! Он вас прощает. (*С чувством берет его за руку.*) Отец

моего Карла, я прощаю вас!

Старик Моор . Нет, дочь моя! Мертвенная бледность твоего лица меня обвиняет. Бедная девочка! Я лишил тебя всех наслаждений юности! О, не проклинай меня!

Амалия (*с нежностью целует его руку*).
Вас?

Старик Моор . Знаком ли тебе этот портрет, дочь моя?

Амалия . Карл!

Старик Моор . Таков он был, когда ему пошел шестнадцатый год. Теперь он другой. О, мое сердце истерзано. Эта кротость сменилась озлоблением, эта улыбка — гримасой отчаяния. Не правда ли, Амалия? Это было в жасминной беседке, в день его рождения, когда ты писала с него портрет? О дочь моя! Ваша любовь делала счастливым и меня.

Амалия (*не сводя глаз с портрета*). Нет! Нет! Это неон! Клянусь богом, это не Карл! Здесь, здесь (*указывая на свое сердце и голову*) он совсем другой... Блеклые краски не могут повторить высокий дух, блиставший в его огненных глазах! Ничуть не похож. На портрете он только человек. Какая же я жалкая художница!

Старик Моор . Этот приветный, ласковый взор... О, если б он стоял у моей постели, я жил бы и мертвый... Никогда, никогда бы я не умер!

Амалия . Никогда бы вы не умерли! Смерть была бы как переход от одной мысли к другой — к лучшей. Его взор светил бы вам и за гробом, его взор вознес бы вас превыше звезд.

Старик Моор . Как тяжело, как печально! Я умираю, а моего сына Карла нет при мне, меня снесут на кладбище, а он не будет плакать на моей могиле. Как сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает молитва сына: это — колыбельная песнь.

Амалия (*мечтательно*). Да, сладостно, несказанно сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает песня любимого. Кто знает, может быть, этот сон продолжаешь видеть и в могиле! Долгий, вечный, нескончаемый сон о Карле, пока не прозвучит колокол воскресения. (*Восторженно*.) И тогда — в его объятия навеки!

Пауза. Она идет к клавесину и играет.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,⁴¹
Где Ахиллов меч без сожаленья

⁴¹ Песня Амалии (перевод М. Достоевского) посвящена одному из эпизодов времен греко-тройанской войны, описанной в древнегреческой поэме «Илиада», — прощанию тройанского героя Гектора со своей супругой Андромахой и маленьким сыном Астианаксом.

Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, копьё и лук направит,
Если дикий Ксанф⁴² тебя умчит?

Старик Моор . Что за чудная песнь, дочь моя? Ты споешь мне ее перед смертью.

Амалия . Это прощание Гектора с Андромахой. Мы с Карлом часто певали эту песнь под звуки лютни.

Милый друг, копьё и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее...
Эта длань отечество спасет.
Власть богов да будет над тобою!
Я погибну, но избавлю Троию.
Но с тобой Элизиум⁴³ цветет.

Входит Даниэль.

⁴² *Ксанф* , или Скамандр (теперь Мендере-Су) — река, с трех сторон окружавшая утес Пергама (троянского кремля) и, следовательно, защищавшая подступы к Трое.

⁴³ *Элизиум* — у Гомера красивая местность на западной окраине земли, где люди живут в блаженстве; у позднейших греков представления о ней связывались с подземным царством и загробной жизнью (нечто вроде античного рая).

Даниэль . Вас спрашивает какой-то человек. Он просит принять его; говорит, что пришел с важными вестями.

Старик Моор . Мне в целом свете важно только одно... Ты знаешь что, Амалия. Если это несчастный, нуждающийся в помощи, он не уйдет отсюда без утешения.

Амалия . Если это нищий,пусти его поскорей.

Даниэль уходит.

Старик Моор . Амалия! Амалия! Пожалей меня!

Амалия

(поет)

Смолкнет звук брони твоей, о боги!
Меч твой праздно пролежит в чертоге,
И Приамов вымрет славный род.
Ты сойдешь в места, где день не блещет,
Где Коцит⁴⁴ волною сонной плещет;
В Лете злой любовь твоя умрет!

⁴⁴ *Коцит* — в греческой мифологии подземная «река плача».

Все мечты, желанья, помышленья
Потоплю я в ней без сожаленья,
Только не свою любовь.
Чу! Дикарь опять уж под стенами!
Дай мне меч, простимся со слезами;
В Лете не умрет моя любовь!

Франц, переодетый Герман, Даниэль.

Франц . Вот этот человек. Он говорит, что привез вам страшные вести. В состоянии ли вы его выслушать?

Старик Моор . Для меня существует только одна весть. Подойди ближе, любезный, и не щади меня. Дайте ему вина.

Герман (*измененным голосом*). Сударь, не лишайте бедняка ваших милостей, если он против воли пронзит вам сердце. Я чужой в этих краях, но вас знаю хорошо. Вы отец Карла фон Моора.

Старик Моор . Откуда ты это знаешь?

Герман . Я знал вашего сына.

Амалия (*вскакивая*). Он жив? Жив? Ты знаешь его? Где он? Где? Где? (*Срывается с места.*)

Старик Моор . Ты знаешь что-нибудь о моем сыне?

Герман . Он учился в Лейпциге и оттуда исчез неизвестно куда. По его словам, он босиком и

с непокрытой головой исходил вдоль и поперек всю Германию, вымаливая подаяние под окнами. Пять месяцев спустя снова вспыхнула эта злополучная война между Пруссией и Австрией, и так как ему не на что было надеяться в этом мире, то он дал барабанному грому победоносного Фридриха увлечь себя в Богемию. «Дозвольте мне, — сказал он великому Шверину⁴⁵, — пасть смертью храбрых: у меня нет более отца!»

Старик Моор . Не смотри на меня, Амалия!

Герман . Ему вручили знамя. И он помчался вперед по пути прусской славы. Как-то раз мы спали с ним в одной палатке. Он много говорил о своем престарелом отце, о счастливых днях, канувших в прошлое, о несбывшихся надеждах. Слезы текли из наших глаз!

Старик Моор (*прячет лицо в подушки*). Молчи! О, молчи!

Герман . Восемь дней спустя произошла жаркая битва под Прагой⁴⁶. Смею вас уверить, ваш

⁴⁵ *Шверин* Курт Кристоф — прусский генерал-фельдмаршал, убитый в битве под Прагой 6 мая 1757 года.

⁴⁶ ...*жаркая битва под Прагой*. — 6 мая 1757 года прусский король Фридрих II одержал победу над австрийцами, в результате которой он смог осадить Прагу и

сын вел себя, как подобает храброму воину. Он совершал чудеса на глазах у всей армии. Пять полков полегло вокруг него — он все стоял. Раскаленные ядра сыпались частым градом — ваш сын стоял. Пуля раздробила ему правую руку — он взял знамя в левую и продолжал стоять!

Амалия (*с восторгом*). Гектор! Гектор! Слышите? Он не дрогнул.

Герман. Тем же вечером я снова натолкнулся на него. Вокруг свистели пули, он лежал на земле, левой рукой стараясь унять льющуюся кровь, правой впиваясь в землю. «Брат, — крикнул он мне, — по рядам прошел слух, что наш генерал уже час как убит». — «Да, он пал, — ответил я. — Ты ранен?» — «Как храбрый солдат, — вскричал он, отнимая левую руку от раны, — я иду за своим генералом». И его великая душа отлетела вослед герою.

Франц (*яростно наступая на Германа*). Да прилипнет твой проклятый язык к гортани! Или ты явился сюда, чтобы нанести смертельный удар нашему отцу? Отец! Амалия! Отец!

Герман. Вот последняя воля моего покойного

запереть в ней армию принца Карла Лотарингского. 18 июня 1757 года в битве под Колином (Чехия) войска Фридриха II были разбиты наголову, вследствие чего пруссакам пришлось снять осаду Праги и очистить всю Богемию (Чехию).

товарища: «Возьми этот меч, — прохрипел он, — и отдай моему старому отцу; кровь его сына запеклась на нем. Отец может радоваться: он отомщен. Скажи ему, что его проклятье погнало меня в битву, навстречу смерти. Скажи, что я умер в отчаянии!» Последний вздох его был: «Амалия!»

Амалия (*словно пробудившись от мертвого сна*). Его последний вздох был: «Амалия!»

Старик Моор (*с воплем рвет на себе волосы*).
Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Франц (*бегаёт взад и вперед по комнате*). О!
Что вы сделали, отец! Карл! Брат мой!

Герман . Вот меч и портрет, который он снял со своей груди. Точь-в-точь эта барышня. «Это моему брату Францу!» — прошептал Моор. Что он хотел этим сказать, я не знаю.

Франц (*с удивлением*). Мне — портрет Амалии? Мне... Карл... Амалию? Мне?

Амалия (*в гневе подбегает к Герману*).
Низкий, подкупленный обманщик! (*Пристально смотрит на него.*)

Герман . Вы ошибаетесь, сударыня!
Взгляните, разве это не ваш портрет? Вы, верно, сами его дали ему?

Франц . Клянусь богом, Амалия, это твой портрет! Право же, твой!

Амалия (*отдавая портрет*). Мой, мой! О,

боже!

Старик Моор (*с воплем раздирает себе лицо*).
Горе, горе мне! Мое проклятье убило его, он умер в отчаянии!

Франц . И он вспомнил обо мне в последний трудный час кончины! Обо мне — ангельская душа! Когда черное знамя смерти уже реяло над ним — обо мне!

Старик Моор (*тихо бормочет*). Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Герман . Я не в силах больше смотреть на эти страдания! Прощайте, сударь! (*Тихо, Францу.*) К чему вы все это затеяли? (*Хочет уйти*).

Амалия (*бежит за ним*). Стой! Стой! Что было его последним словом?

Герман . Его последний вздох был: «Амалия!» (*Уходит.*)

Амалия . Его последний вздох был: «Амалия!» Нет, ты не обманщик! Так это правда! Правда! Он умер! Умер! (*Шатается и падает.*) Умер! Карл умер!

Франц . Что я вижу? Что это кровью написано на мече? Амалия!

Амалия . Его рукой?

Франц . Наяву это или во сне? Посмотри, кровью выведено: «Франц, не оставляй моей Амалии!» Смотри же, смотри! А на другой стороне: «Амалия, твою клятву разрешила всемогущая

смерть!» Видишь! Видишь! Он писал это костенеющей рукой, писал горячей кровью своего сердца на торжественном рубеже вечности. Его душа, готовая отлететь, помедлила, чтобы соединить Франца и Амалию.

Амалия . Боже милосердный! Это его рука! Он никогда не любил меня! *(Поспешно уходит.)*

Франц *(топая ногой)*. Проклятье! Все мое искусство бессильно перед этой строптивицей!

Старик Моор . Горе, горе мне! Не оставляй меня, дочь моя! Франц, Франц, верни мне моего сына!

Франц . А кто проклял его? Кто погнал своего сына на поле смерти? Кто вверг его в отчаяние? О, это был ангел, жемчужина в венце всевышнего! Да будут прокляты его палачи! Будьте и вы прокляты!

Старик Моор *(ударяя себя кулаком в грудь)*. Он был ангелом! Он был жемчужиной в венце всевышнего! Проклятие, проклятие, гибель и проклятие на мою голову! Я отец, убивший своего доблестного сына! Он любил меня до последней минуты и мне в угоду ринулся в бой, навстречу смерти! О, я чудовище, чудовище! *(Неистовствует.)*

Франц . Его уже нет, к чему запоздалые стенанья? *(Злобно улыбаясь.)* Убить легче, чем воскресить. Вам не вернуть его из могилы.

Старик Моор . Никогда, никогда, никогда не

вернуть из могилы! Нет его! Потерян навеки! Ты своими наговорами вырвал проклятье из моего сердца!.. Ты... ты!.. Верни мне сына!

Франц . Не доводите меня до бешенства! Я оставляю вас наедине со смертью.

Старик Моор . Чудовище! Чудовище! Отдай мне моего сына! *(Вскакивает с кресла и хочет схватить Франца за горло, но тот с силой отбрасывает его.)*

Франц . Немощный скелет... Вы еще смеете?.. Умирайте! Казнитесь!.. *(Уходит.)*

Старик Моор . Тысячи проклятий да грянут над тобою! Ты украл у меня сына! *(Мечется в кресле.)* Горе, горе мне! Так отчаиваться и — жить!.. Они бегут, оставляют меня наедине со смертью... Ангел-хранитель покинул меня! Святые отступились от седовласого убийцы! Горе, горе мне! Никто не хочет поддержать мою голову, освободить мою томящуюся душу! Ни сыновей, ни дочери, ни друга! Только чужие! Никто не хочет... Один, всеми покинут! Горе, горе мне! Так отчаиваться и — жить!..

Амалия входит с заплаканными глазами.

Амалия, посланница небес! Ты пришла освободить мою душу?

Амалия *(ласково)*. Вы потеряли доблестного

сына.

Старик Моор . Убил, хочешь ты сказать. Виновный в убийстве сына, я предстану перед престолом всевышнего...

Амалия . Нет, нет, многострадальный старец! Небесный отец призвал его к себе. Иначе мы были бы слишком счастливы здесь, на земле... Там, там, превыше светил небесных, мы свидимся вновь.

Старик Моор . Свидимся, свидимся! Нет! Меч пронзит мою душу, если я, блаженный, в сонме блаженных увижу его. И на небесах ужаснут меня ужасы ада, и перед лицом вечности меня будет душить сознание: я убил своего сына.

Амалия . О, он с улыбкой прогонит из вашего сердца страшные воспоминания! Ободритесь же, милый отец: ведь я бодр. Разве он не пропел небесным силам на арфе серафимов имя Амалии и разве небесные силы не вторили ему? Ведь его последний вздох был: «Амалия!» Так разве же не будет и его первый крик восторга: «Амалия!»?

Старик Моор . Сладостное утешение источают уста твои! Он улыбнется мне, говоришь ты? Простит? Останься же при мне, возлюбленная моего Карла, и в час моей кончины.

Амалия . Умереть — значит ринуться в его объятия! Благо вам! Я вам завидую. Почему мое тело не дряхло, мои волосы не седы? Горе молодости! Благо тебе, немощная старость: ты

ближе к небу, ближе к моему Карлу!

Входит Франц.

Старик Моор . Подойди ко мне, сын мой! Прости, если я был слишком суров к тебе! Я прощаю тебя. И хочу с миром испустить дух свой.

Франц . Ну что? Досыта наплакались о вашем сыне? Можно подумать, что он у вас один.

Старик Моор . У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы.⁴⁷

Франц . Гм!

Старик Моор . Возьми Библию, дочь моя, и прочти историю об Иакове и Иосифе: она и прежде всегда меня трогала, а я не был еще Иаковом.

Амалия . Какое же место прочесть вам?
(*Перелистывает Библию.*)

Старик Моор . Читай мне о горести осиротевшего отца, когда он меж своих детей не нашел Иосифа и тщетно ждал его в кругу

⁴⁷ У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы. — В Библии рассказана история Иакова и его двенадцати сыновей. Братья продали Иосифа, любимца Иакова, в Египет, где он достиг высокого положения и впоследствии разоблачил их вероломство.

одиннадцати; и о его стенаниях, когда он узнал, что Иосиф отнят у него навеки.

Амалия (*читает*). «И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью, и послали разноцветную одежду, и доставили отцу своему, и сказали: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет?»

Франц внезапно уходит.

Он узнал ее и сказал: «Это одежда сына моего, хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

Старик Моор (*откинувшись на подушку*). «Хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

Амалия (*читает дальше*). «И разорвал Иаков одежды свои, и возложил вретиче на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья и все дочери его, чтобы утешить его; он не хотел утешиться и сказал: «С печалью сойду к сыну моему во гроб...»

Старик Моор . Перестань, перестань! Мне худо!

Амалия (*роняет книгу и подбегает к нему*). Боже мой! Что с вами?

Старик Моор . Это смерть!.. Чернота... плывет... перед моими глазами... Прошу тебя... позови священника... Пусть принесет... святые дары... Где мой сын Франц?

Амалия . Он бежал! Боже, смилуйся над нами!

Старик Моор . Бежал... бежал... от смертного одра! И это все... все... от двух сыновей, с которыми связывалось столь-ко упований... Ты их дал... ты их отнял... Да святится имя твое!..

Амалия (*вдруг вскрикивает*). Умер! Не бьется сердце! (*Убегает в отчаянии*.)

Франц (*входит радостный*). «Умер!» — кричат они. Умер! Теперь я господин. По всему замку вопят: «Умер!» А что, если он только спит? Да, конечно, конечно, это сон. Но уснувший таким сном уже никогда не услышит «с добрым утром». Сон и смерть — близнецы. Только переменим названия. Добрый, желанный сон! Ыы назовем тебя смертью. (*Закрывает отцу глаза*.) Кто же теперь осмелится прийти и потянуть меня к ответу или сказать мне в глаза: «Ты подлец!»? Теперь долой тягостную личину кротости и добродетели! Смотрите на подлинного Франца и ужасайтесь! Мой отец не в меру подслащал свою власть. Подданных он превратил в домочадцев; ласково улыбаясь, он сидел у ворот и приветствовал их, как братьев и детей. Мои брови нависнут над вами, подобно грозovým тучам; имя господина, как зловещая комета, вознесется над этими холмами; мое чело станет яаптим барометром. Он гладил и ласкал строптивную выю. Гладить и ласкать — не в

моих обычаях. Я вонжу в ваше тело зубчатые шпоры и заставлю отведать кнута. Скоро в моих владениях картофель и жидкое пиво станут праздничным угощением. И горе тому, кто попадется мне на глаза с пухлыми, румяными щеками! Бледность нищеты и рабского страха — вот цвет моей ливреи. Я одену вас в эту ливрею!
(Уходит.)

Сцена третья

Богемские леса.

Шпигельберг, Рацман. Разбойники.

Рацман . Ты здесь? Тебя ли вижу? Дай задушить тебя в объятиях, дружище Мориц! Привет тебе в богемских лесах! Эх ты раздобрел и окреп! Черт подери, да ты, никак, и рекрутов привел с собой целую ватагу? Ай да вербовщик!

Шпигельберг . А ведь правда, здорово, братец, здорово? Молодчики-то как на подбор! Ты не поверишь! Надо мной прямо-таки божья благодать! Был я голодным беднягой, ничего не имел, кроме этого посоха, когда перешел Иордан, а теперь нас семьдесят восемь молодцов, все больше разорившиеся купцы, выгнанные чиновники да писаря из швабских провинций. Это, братец, доложу я тебе, отряд таких молодцов, таких

славных ребят, что каждый у другого на ходу подметки режет и чувствует себя спокойно рядом с соседом, лишь держа в руках заряженное ружье. Ни в чем им нет отказа, а слава о них такая на сорок миль в округе, что диву даешься. Нынче, брат не сыщешь ни одной газеты, в которой не было бы статейки о ловкаче Шпигельберге. Только потому я их и читаю. С ног до головы так меня описали, что как живой стою. Пуговиц на моем кафтане и тех не позабыли. А мы только и знаем, что водить за нос этих дуралеев. Как-то недавно захожу в типографию, заявляю, что видел пресловутого Шпигельберга, и диктую тамошнему щелкоперу живой портрет одного докторишки из их округи. Все пошло как по-писаному, притянули голубчика к ответу, допросили с пристрастием, а этот дурак со страха возьми да и признайся — провалиться мне на этом месте, — что он-де и есть Шпигельберг! Гром и молния! Меня так и подмывало пойти с повинной в магистрат, чтобы этот каналья не бесчестил моего имени. Что же ты думаешь? Три месяца спустя повесили-таки моего доктора. Мне пришлось заложить в нос изрядную понюшку табаку, когда я потом, прогуливаясь около виселицы, смотрел, как этот лже-Шпигельберг качается на ней во всей своей красе. И вот, в то время как лже-Шпигельберг болтается в петле, истинный Шпигельберг остороженько из петли

выпутывается и натягивает премудрой юстиции такой длинный нос, что даже жаль становится ее, бедняжку.

Рацман (*со смехом*). А ты, дружище, нимало не переменялся!

Шпигельберг. Да, как видишь, я все тот же душой и телом! Послушай-ка, дуралей, какую я штуку выкинул намедни в обители святой Цецилии. Попадается мне, значит, на пути этот монастырек. Уж вечерело, а я в тот день еще не издержал ни одного патрона. Ты же знаешь, я до смерти не люблю *diem perdidit*⁴⁸, но коли день пропал, надо хоть ночью заварить такую кашу, чтоб чертям тошно стало. Ну так вот. Мы ведем себя смиренно до наступления темноты. Воцаряется тишина. Огни гаснут. Эге, думаем мы, видно, монашенки-то улеглись. Я беру с собой приятеля Гримма, а другим велю дожидаться у ворот, покуда не свистну, сговариваюсь с привратником и, получив от него ключи, прокрадываюсь в помещение, где спят послушницы. Я живо стибрил ихние платья, связал в узел и вынес за ворота. Потом мы прошлись по кельям и забрали одежду у всех сестер, а под конец и у самой настоятельницы. Тут я свистнул, и мои молодцы, что остались за

⁴⁸ Потерять день (*лат.*).

воротами, подняли такой шум и гам, точно настал день Страшного суда, и затем с криком и гиканьем рассыпались по всей обители. Ха-ха-ха! Посмотрел бы ты, какая там началась кутерьма. Как бедняжки искали впотьмах свою одежонку, метались, охали, словно в когтях у черта, а мы — ну их лапоть! С перепугу одни стали заворачиваться в простыни, залезать под печку, как кошки, а другие так напрудили в кельях, хоть плавать пускайся! Визгу! Крику!.. Вылезла и старая карга настоятельница в костюме Евы до грехопадения. Ты ведь знаешь, братец, что для меня нет на свете создания мерзее паука и старой бабы, а тут эта почернелая, морщинистая, косматая старуха так и вьется вокруг, заклиная меня своим девическим целомудрием. Тьфу! Я уже поднял было кулак, чтобы вышибить ей последние зубы, да воздержался и предложил на выбор: либо подавай нам монастырское серебро, драгоценную утварь и всю звонкую монету, либо... Мои ребята живо поняли меня! Словом, я унес оттуда не меньше чем на тысячу талеров всякого добра да еще воспоминанье о веселой ночке. А ребята оставили монашенкам памятки, от которых им раньше, как через девять месяцев, не избавиться.

Рацман (*топнув ногой*). Черт побери, почему меня там не было!

Шпигельберг . Вот видишь! Попробуй-ка сказать после этого, что плоха беспутная жизнь!

Вдобавок ты остаешься свеж, бодр да еще в тело входишь не хуже римского прелата. Видно, есть во мне что-то такое магнетическое, коли сброд со всего белого света липнет ко мне, как сталь и железо.

Рацман . Ты и впрямь магнит! Хотел бы я, черт побери, понять, каким колдовством ты этого добиваешься...

Шпигельберг . Колдовством? Колдовство тут ни при чем. Тут, брат, нужна голова да немного практической сметки, которую, конечно, из пальца не высосешь. Видишь ли, я всегда говорю: честного человека можно сделать из любого пня. Но мошенника — это дело посложнее! Тут необходим подлинный национальный гений и известный, как бы это сказать, мошеннический климат. Поэтому я советую тебе, съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов.⁴⁹

Рацман . А мне, брат, особенно расхваливали

⁴⁹ ...съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов. — Это место в «Разбойниках» едва не послужило поводом к «дипломатическому конфликту» между Вюртембергом и швейцарским кантоном Граубюнденом и навлекло на Шиллера гнев Карла Вюртембергского. Граубюнден находится на юго-востоке Швейцарии (граничит с Тиролем и Северной Италией); населен преимущественно итальянцами.

Италию.

Шпигельберг . Да, да! Надо быть справедливым. В Италии тоже имеются доблестные мужи. Но если Германия будет продолжать в том же духе и окончательно порвет с Библией, на что можно уже твердо надеяться, то со временем и из нее выйдет что-нибудь путное. Вообще, должен тебе сказать, особого значения климат не имеет; гений принимается на любой почве, а все остальное, братец... Сам знаешь — из дикого яблока и в райском саду не получится ананаса. Но что я хотел сказать? На чем бишь я остановился?

Рацман . На мошеннической сноровке.

Шпигельберг . Да, верно, на мошеннической сноровке. Итак, приехав в какой-нибудь город, ты первым делом разузнаешь у надзирателей за нищими, у приставов и дозорных, кого чаще всего к ним приводят, и затем отыскиваешь этих голубчиков. Далее ты становишься завсегдатаем кофеен, публичных домов, трактиров и там вынюхиваешь, кто больше всех ругает дешевизну, низкую процентную ставку, губительную чуму полицейских постановлений, кто всех злобнее поносит правительство или разъяряется на физиогномику ⁵⁰ и тому подобное... Вот ты,

⁵⁰ ...разъяряется на физиогномику. — В юношеские годы Шиллера большой популярностью в Западной Европе

братец, и у цели! Честность шатается, как гнилой зуб, остается только подцепить его козьею ножкой... Или, и того лучше, ты бросаешь полный кошелек прямо на мостовую, а сам где-нибудь прячешься и смотришь, кто его поднимет. Немного погодя ты уже бежишь вслед за ним, охаешь и, догнав, спрашиваешь: «Не поднимали ли вы, сударь, кошелек с деньгами?» Скажет: «Да», — черт с ним, ступай своей дорогой; начнет отпираться: «Нет, извините, сударь... не припомню... очень сожалею...» — тогда победа, братец, победа! Гаси фонарь, хитроумный Диоген!⁵¹ Ты нашел твоего человека.

Рацман . Да ты малый не промах!

Шпигельберг . Бог мой! Как будто я когда-нибудь в этом сомневался! Когда же молодец попался в твой сачок, действуй расторопно, чтобы не упустить его. Я, братец, проделывал это

пользовались физиогномические теории швейцарца Лафатера, который по чертам лица и строению черепа делал заключения о характере человека, его внутренних склонностях и т. д.

⁵¹ *Гаси фонарь, хитроумный Диоген! Ты нашел твоего человека.* — Диоген (V–IV вв. до н. э.) — древнегреческий философ. О нем рассказывали, будто он ходил днем с зажженным фонарем, а когда его спрашивали, почему он это делает, он отвечал: «Я ищу человека».

следующим образом: стоило мне только напасть на след, я прицеплялся к намеченной жертве, как репейник, пил с ним на брудершафт. *Nota bene!*⁵² Угощай его на свой счет. Конечно, накладно, но ничего не поделаешь! Далее, ты вводишь его в игорные дома, знакомишь со всякой швалью, вовлекаешь в драки, запутываешь в мошеннические проделки, покуда он не промотает свои силы, деньги, совесть и доброе имя. Потому что, *incidenter*⁵³, ничего не выйдет, должен тебе сказать, если с самого начала ты не погубишь его души и тела. Верь мне, братец! Я раз пятьдесят убеждался на собственном опыте. Если сгонишь честного человека с насиженного места — быть ему у черта под началом. Переход этот так легок, так легок, как скачок от шлюхи к святоше. Но чу! Что за грохот?

Рацман . Гром гремит! Ну, продолжай!

Шпигельберг . Есть путь еще лучше и короче: обери молодчика, да так, чтоб у него ни кола, ни двора не осталось. Будет без рубахи, так и сам прибежит к тебе. Впрочем, ученого учить — только портить! Спроси-ка лучше вон того меднорожего... Черт возьми, его я здорово поддел:

⁵² Заметь себе! (*лат.*).

⁵³ Кстати (*лат.*).

помахал у него перед носом сорока дукатами, посулил ему эти денежки за восковой слепок с хозяйского ключа... Что ж ты думаешь, эта бестия все исполнил: принес, черт его побери, ключ и требует денег. «Мосье, — говорю я ему, — а знаешь ли ты, что я с этим ключом прямехонько отправлюсь в полицию и найму тебе квартирку на виселице?» Тысяча дьяволов! Посмотрел бы ты, как малый выпучил глаза и задрожал, словно мокрый пудель. «Ради бога, смилуйтесь, сударь! Я хочу... я хочу...» — «Чего ты хочешь? Хочешь собрать свои манатки и вместе со мной пойти к черту?» — «О, от всего сердца, с превеликим удовольствием!» Ха-ха-ха! Любезный! Мышей на сало ловят. Да смейся же над ним, Рацман! Ха-ха-ха!

Рацман . Ха-ха-ха! Ну разодолжил! Золотыми буквами напишу я у себя на лбу твою лекцию. Видно, сатана неплохо знает людей, если сделал тебя своим маклером.

Шпигельберг . Право, дружище! Я думал, что, если навербую ему еще с десятков таких молодчиков, он отпустит меня на все четыре стороны. Ведь дает же издатель комиссионеру каждый десятый экземпляр бесплатно. Так неужто же черт станет скряжничать? Рацман! Что-то порохом потянуло.

Рацман . Черт возьми! Я сам уже давно слышу. Берегись, здесь неподалеку что-нибудь да

не так. Ей-ей! Говорю тебе, Мориц, что ты со своими рекрутами прямо находка для атамана. Он тоже залучил бравых молодцов.

Шпигельберг . Но мои, мои...

Рацман . Что правда, то правда! Может, и у твоих золотые руки, но, говорю тебе, слава нашего атамана ввела в соблазн многих даже честных людей.

Шпигельберг . Ты уж чего не наскажешь.

Рацман . Кроме шуток! И они не стыдятся служить под его началом. Он убивает не для грабежа, как мы. О деньгах он, видно, и думать перестал с тех пор, как может иметь их вволю; даже ту треть добычи, которая причитается ему по праву, он раздает сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. Но если представляется случай пустить кровь помещику, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в золотых галунах, который криво толкует законы и серебром отводит глаза правосудию, или другого какого господчика того же разбора, тут, братец ты мой, он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него, каждая жилка в нем становится фурией.

Шпигельберг . Гм, гм!

Рацман . Недавно в корчме мы узнали, что по большой дороге будет проезжать богатый граф Регенсбург, выигравший миллионную тяжбу

благодаря плутням своего адвоката. Он сидел за столом и играл в шахматы. «Сколько нас?» — спросил он меня, поспешно вставая. Я видел, как он закусил нижнюю губу, — верный признак того, что он в ярости. «Всего пятеро!» — отвечал я. «Справимся!» — сказал он, бросил хозяйке деньги на стол, оставил вино нетронутым, и мы пустились в путь. Во всю дорогу он не вымолвил ни слова, ехал в сторонке один и только по временам спрашивал, не видать ли чего, да приказывал нам прикладывать ухо к земле. Наконец видим: едет граф. Карета нагружена до отказа. Рядом с ним сидит адвокат, впереди скачет фореитор, по бокам двое слуг верхами. Вот тут бы ты посмотрел на него, как он с двумя пистолетами в руках подскочил к карете! А голос, которым он крикнул; «Стой!» Кучер, не пожелавший остановиться, полетел с козел вверх тормашками. Граф выстрелил в воздух. Всадники — наутек. «Деньги, каналья! — заорал он громовым голосом. Граф свалился, как бык под обухом. — А! Это ты, прохвост, правосудие делаешь продажной девкой?» У адвоката зубы застучали от страха. И вот кинжал уже торчит у него в брюхе, как жердь в винограднике. «Я свое совершил! — воскликнул атаман и гордо отворотился от нас. — Грабеж — ваше дело!» С этими словами он умчался в лес.

Шпигельберг . Гм, гм! Послушай-ка,

дружище! То, что я тебе сейчас рассказывал, пусть останется между нами; ему незачем это знать. Понимаешь?

Рацман . Понимаю, понимаю.

Шпигельберг . Ты ведь знаешь его. У него есть свои странности. Понимаешь?

Рацман . Понимаю, понимаю.

Шварц вбегает запыхавшись.

Кто там? Что там такое? Проезжие в лесу?

Шварц . Живо! Живо! Где остальные? Тысяча чертей! Вы стоите здесь и языки чешете! Не знаете, что ли?.. Так вы ничего не знаете? Ведь Роллер...

Рацман . Что с ним, что с ним?

Шварц . Роллер повешен, и с ним еще четверо.

Рацман . Роллер? Проклятье! Как? Когда? Откуда ты знаешь?

Шварц . Уже три недели, как он в тюрьме, а мы ничего не знаем; три раза его водили к допросу, а мы ничего не слышали! Его под пыткой допрашивали, где атаман. Молодчага ничего не выдал! Вчера вынесли приговор, а сегодня он на курьерских отправился к дьяволу.

Рацман . Проклятье! Атаман знает?

Шварц . Только вчера узнал. Он беснуется, как дикий зверь. Ты ведь знаешь, он всегда отличал

Роллера... И еще эта пытка... Веревки и лестница были уже принесены к башне. Ничего не помогло. Он сам, переодевшись капуцином,⁵⁴ проник к Роллеру и хотел поменяться с ним платьем. Роллер наотрез отказался. И вот он дал клятву, — да так, что у нас кровь застыла в жилах, — зажечь ему погребальный факел, какого не зажигали еще ни одному королю; такой, чтобы у них от жара шкура скорежилась. Мне страшно за город. Он уже давно зол на него за позорное ханжество; а ты знаешь, если он скажет: «Я сделаю», — то это все равно, что мы, грешные, уже сделали.

Рацман . Это правда, я знаю атамана. Если он дьяволу даст слово отправиться в ад, то уж молиться не станет, даже если бы одно «Отче наш» могло спасти его. Ах, бедняга Роллер! Бедняга!

Шпигельберг . Memento mori!⁵⁵ Впрочем, меня это не волнует. (*Поет.*)

Я мыслю, если ненароком
Наткнуь на виселицу я:

54 ...переодевшись капуцином... — Капуцин — католический монах ордена св. Франциска, носящий рясу с капюшоном.

55 Помни о смерти! (*лат.*).

Ты, брат, висишь здесь одиноко, —
Кто ж в дураках, ты или я?

Выстрелы и шум.

Рацман (*вскакивая*). Слышишь? Выстрел!
Шпигельберг . Еще один!
Рацман . Третий! Атаман!

За сценой слышна песня:

«Нюренбергцам нас повесить
Не придется никогда!» (*Да саро*) 56.

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Эй, вы!
Го-го!

Рацман . Роллер! Роллер! Черт меня подери!

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Рацман!
Шварц! Шпигельберг! Рацман!

Рацман . Роллер! Швейцер! Гром и молния!
Град и непогода! (*Бежит им навстречу.*)

*Разбойник Моор верхом, за ним Швейцер,
Роллер, Гримм, Шуфтерле и толпа разбойников,
покрытых грязью и пылью.*

Моор (*спешиваясь*). Свобода! Свобода! Ты в безопасности, Роллер! Отведи моего коня, Швейцер, да вымой его вином. (*Бросается на землю.*) Ох, жарко пришлось!

Рацман (*Роллеру*). Клянусь горнилом Плутона⁵⁷, уж не восстал ли ты с колеса?

Шварц . Ты его дух? Я круглый дурак... или ты в самом деле?..

Роллер (*запыхавшись*). Это я. Собственной персоной. Цел и невредим. Откуда, ты думаешь, я явился?

Шварц . Что за чертовщина! Ведь судья уже переломил палочку.

Роллер . Еще бы, даже больше! Я явился прямехонько с виселицы. Ох, дай дух перевести. Пусть Швейцер расскажет. Налейте мне стакан водки. И ты опять здесь, Мориц? Я думал было увидеться с тобой совсем в другом месте. Да налейте же мне водки! У меня все кости ломит. О мой атаман! Где мой атаман?

Шварц . Сейчас! Сейчас! Да говори же, рассказывай, как ты улизнул оттуда? Каким чудом ты опять с нами? У меня голова идет кругом. Прямо с виселицы, говоришь ты?

⁵⁷ *Плутон* — бог подземного мира (*рим. миф.*).

Роллер (*залпом выпивает бутылку водки*). Ох, славно! Вот жжет-то! Прямо с виселицы, говорю. Я был в каких-нибудь трех шагах от лестницы, по которой всходят в лоно Авраамово⁵⁸... До того близко, до того близко... Моя шкура была уже запродана в анатомический театр, — ты мог бы сторговать мою жизнь за понюшку табаку. Атаману я обязан воздухом, свободой и жизнью!

Швейцер . Это была такая штука, братцы, о которой стоит порассказать! За день до того мы пронюхали через наших лазутчиков, что Роллеру каюк и что завтра, то есть сегодня, если только небо не обвалится, он разделит судьбу всего смертного. «Ребята, — сказал атаман, — чего не сделаешь для друга? Спасем ли мы его или нет, во всяком случае, зажжем ему такой погребальный факел, какой еще не возжигали ни одному королю и от которого у них вся шкура скорежится». Вся шайка поднята на ноги. Мы шлем к нему нарочного, и тот подбрасывает ему в похлебку записочку.

Роллер . Я отчаивался в успехе.

⁵⁸ ...*всходят в лоно Авраамово* — то есть отправляются к праотцам, умирают. Авраам, по библейским сказаниям, — один из древнееврейских родоначальников, так называемых «патриархов».

Швейцер . Мы ждали, пока опустеют улицы. Весь город валом валил на интересное зрелище; всадники, пешеходы, экипажи смешались в кучу, на всю округу слышались шум и пение погребальных псалмов. «Теперь, — сказал атаман, — зажигай! Зажигай!» Наши ребята помчались стрелой, зажгли город разом с тридцати трех концов, разбросали зажженные фитили у пороховых погребов, церковей и амбаров... *Morbleu!*⁵⁹ Не прошло и четверти часа, как северо-восточный ветер, у которого, видимо, тоже был зуб на этот город, подоспел нам на помощь и взметнул пламя до самых крыш. Между тем мы, как фурии, носимся по улицам и вопим на весь город: «Пожар, пожар!» Вой, крик, треск! Гудит набат! Пороховой погреб взлетает на воздух! Точно земля раскололась надвое, небо лопнуло и ад ушел еще на десять тысяч сажен глубже!

Роллер . Мой конвой оглянулся. Город — что твои Содом и Гоморра⁶⁰! Весь горизонт в огне, в дыму и сере. Кажется, все окрестные горы взревели,

⁵⁹ Черт возьми! (*франц.*).

⁶⁰ *Содом и Гоморра* — города, которые, по библейскому преданию, были сожжены небесным огнем за нечестивую жизнь их обитателей.

вторя этой сатанинской шутке. Панический страх пригибает всех к земле. Тут я пользуюсь минутой — р-раз, и с быстротой ветра освобождаюсь от уз под самым носом стражников, окаменевших, как Лотова жена⁶¹. Рывок! Я рассекаю толпу и давай бог ноги! Отбежав эдак шагов пятьдесят, сбрасываю с себя платье, кидаюсь в реку и плыву под водой до тех пор, пока мне не кажется, что я в безопасности. Мой атаман уже тут как тут с лошадьми и платьем. Так я удрал. Моор! Моор! Попал бы ты поскорей в такую же переделку, чтобы я мог отплатить тебе тем же!

Рацман . Гнусное пожеланье, за которое тебя следовало бы вздернуть. Но шутка такая, что лопнуть можно.

Роллер . Да, то была истинная помощь в нужде! Чтобы понять это, надо, как я, с веревкой на шее заживо прогуляться к могиле. А эти страшные приготовления, эти живодерские церемонии! Ты ступаешь дрожащими ногами, и с каждым шагом все ближе — до ужаса близко! — встает перед тобой в лучах страшного утреннего солнца проклятая машина с петлей, уготованной для твоей

⁶¹ *Лотова жена*. — По библейскому сказанию, жена Лота во время бегства из Содома оглянулась, вопреки запрету, на пылавший город и превратилась в соляной столб.

шей! А поджидающие тебя живодееры! А мерзостная музыка, — она еще и теперь гремит у меня в ушах! А карканье голодного воронья, которое обсело моего полусгнившего предшественника!.. Это все... все... И сверх того еще предвкушенье блаженства, тебя ожидающего. Братья! Братья! И вдруг — призыв к свободе! То-то был треск, словно обруч лопнул на небесной бочке. Верьте мне, канальи! Прыгнув из раскаленной печи в ледяную воду, не ощутишь такого контраста, какой почувствовал я, оказавшись на том берегу.

Шпигельберг (*хохочет*). Бедняга! Ну, да все это уже ветром сдуло! (*Пьет.*) Со счастливым воскресением из мертвых!

Роллер (*бросает наземь свой стакан*). Нет, клянусь всеми сокровищами Мамона,⁶² не хотел бы я еще раз пережить такое! Смерть, пожалуй, посерьезнее, чем прыжок арлекина; но страх смерти еще страшней, чем она сама.

Шпигельберг. А вспорхнувшая на воздух пороховая башня! Смекаешь теперь, Рацман? Оттого-то и воняло серой на всю округу, словно Молох⁶³ проветривал на свежем воздухе свой

⁶² ...клянусь всеми сокровищами Мамона... — Мамон — бог богатства, денег у некоторых древних народов.

⁶³ ...словно Молох... — Молох — здесь: дьявол; ниже:

гардероб. Это была великолепная шутка, атаман! Завидую тебе!

Швейцер . Если весь город потешается над тем, что нашего товарища прирезавают, как затравленного кабана, то нам ли, черт побери, корить себя за то, что мы разорили город из любви к другу. Вдобавок наши ребята сумели там неплохо пожить. Ну, показывайте свою добычу!

Один из шайки. Во время суматохи я пробрался в церковь святого Стефана и спорол бахромку с алтарного покрова. «Господь бог богат, — подумал я, — и может сделать золото из простой веревки».

Швейцер . И правильно поступил! Кому этот хлам нужен в церкви? Они жертвуют его господу богу, которому, право же, ни к чему такое барахло, а между тем божьи создания голодают. Ну, а ты, Шпангелер? Куда ты закинул сети?

Второй . Мы с Бюгелем обобрали лавку и притащили разных материй — человек на пятьдесят хватит.

Третий . Я стянул двое золотых часов да дюжину серебряных ложек.

Молох — бог солнца, огня и войны у амонитян, моавитян и финикиян, которому приносились человеческие жертвы (дети и пленники); см. с. 76: «словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы».